ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 ИЮНЬ 1982

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА

ВРУЧЕНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВУ

ВЫСШЕЙ НАГ

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан 31 мая в Кремле вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшую награду Социалистической Республики Вьетнам — орден Хо Ши Мина первой степени и медаль Героя Труда СРВ.

В зале были товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков.

Здесь же находились помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, первые заместители заведующих отделами ЦК КПСС К. М. Боголюбов, О. Б. Рахманин, посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Май, помощник Генерального секретаря ЦК КПВ Донк Нгак, другие советские и вьетнамские товарищи.

Товарищи Ле Зуан и Л. И. Брежнев обменялись речами.

* * *

31 мая в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Вьетнама товарищем Ле Зуаном.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 23 (2864)

Основан 1 апреля 1923 года

5 ИЮНЯ 1982

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева 31 мая в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР.

По первому вопросу повестки дня — о задачах Советов народных депутатов по реализации решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС на заседании выступил Л. И. Брежнев.

Участники заседания с глубоким удовлетворением восприняли выступление товарища Л. И. Брежнева.

Президиум Верховного Совета СССР внес необходимые изменения в законодательные акты СССР о полномочиях Советов народных депутатов в области руководства сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса.

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении почетного звания «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР».

На заседании рассмотрен также вопрос о работе Советов народных депутатов Литовской ССР и Таджикской ССР, связанной с подготовкой к 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. С сообщениями по этому вопросу выступили Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР А. С. Баркаускас и Председатель Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Холов.

Итоги состоявшегося обмена мнениями подвел Л. И. Брежнев.

Затем на заседании Президиума была рассмотрена информация Президиума Верховного Совета РСФСР о практике работы Советов народных депутатов республики, связанной с награждением трудящихся медалью «Ветеран труда». В постановлении по данному вопросу Президиуму Верховного Совета РСФСР рекомендовано принять дополнительные меры к совершенствованию практики награждения этой медалью.

На заседании Президиума рассмотрены другие вопросы государственной жизни.

В обсуждении вопросов повестки дня приняли участие члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, Г. В. Романов, В. В. Щербицкий, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, заместители Председателя, секретарь и члены Президиума Верховного Совета СССР, руководители ряда министерств, государственных комитетов и ведомств СССР.

Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

РАДЫ ВЬЕТНАМА

Во время вручения награды.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД РОДИНЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 31 мая в Кремле награды Родины партийным и советским работникам, ученым, военачальникам.

Ордена Октябрьской Революции были вручены члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкому, кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии Т. Я. Киселеву, кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиеву; орден Ленина и Золотая медаль «Серп и Молот» — первому секретарю Ставропольского крайкома партии В. С. Мураховскому; ордена Ленина — первому секретарю ЦК Компартии Армении К. С. Демирчяну, первому секретарю ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапурову, первому секретарю Чечено-Ингушского обкома партии А. В. Власову, первому секретарю Саратовского обкома партии В. К. Гусеву, заведующим отделами ЦК КПСС Л. М. Замятину и С. П. Трапезникову, первому заместителю Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипову, секретарю Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе; орден Октябрьской Революции был вручен Председателю Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитикову и орден Трудового Красного Знамени — председателю Президиума Верховного Совета Белорусской ССР И. Е. Полякову. Ордена Ленина были вручены президенту Академии медицинских наук СССР Н. Н. Блохину и Маршалу Советского Союза К. С. Москаленко.

При вручении наград выступил товарищ Л. И. Брежнев.

Выступления товарища Л. И. Брежнева и награжденных были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Присутствовавшие при вручении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, другие товарищи поздравили награжденных и пожелали им дальнейшей плодотворной деятельности в деле строительства коммунистического общества в нашей стране, во имя мира на земле.

Встреча на аэродроме.

Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 1 июня в Москву с официальным дружественным визитом прибыла партийно-правительственная делегация Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета Г. Гусака, членов делегации тепло встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, другие официальные лица.

ГОРОД СЛАВЫ, БРАТСТВА И ТРУДА

Во время вручения награды.

Фотс В. Самохоцкого и А. Поддубного (ТАСС)

28 мая в Киеве состоялось торжественное собрание, посвященное 1500-летию города на Днепре и вручению ему высокой награды — ордена Дружбы народов.

В президиуме — прибывшие на торжества делегации Москвы и Ленинграда, Российской Федерации, Белоруссии, столиц союзных республик, городов-героев, представители партийных, советских и общественных организаций, представители Вооруженных Сил СССР, ветераны войны и труда, передовики соревнования, почетные гости.

С воодушевлением избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

На собрании выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий. От имени Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, товарища Л. И. Брежнева он горячо поздравил киевлян с наградой Родины.

В связи с юбилеем столицы Советской Украины Киевскому городскому комитету Коммунистической партии Украины и городскому Совету народных депутатов, трудящимся города-героя направили приветствие Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР. Под аплодисменты собравшихся В. В. Щербицкий огласил текст приветствия.

В. В. Щербицкий огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Киева орденом Дружбы народов и под аплодисменты присутствующих прикрепил награду к знамени города.

От имени коммунистов, всех киевлян сердечную признательность Центральному Комитету КПСС, лично товарищу Л. И. Брежневу за высокую оценку достижений трудящихся города в хозяйственном и культурном строительстве, их усилий по укреплению братской дружбы народов выразил первый секретарь Киевского горкома партии Ю. Н. Ельченко.

Киевлян сердечно поздравили член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. Романов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Т. Я. Киселев.

Участники торжественного собрания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

Во время переговоров.

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР с 25 по 29 мая 1982 года в Советском Союзе с официальным визитом находился Федеральный президент Австрийской Республики д-р Рудольф Кирхшлегер. Глава австрийского государства и сопровождающие его лица, помимо Москвы, посетили Ташкент, Самарканд и Киев.

В ходе визита состоялись встречи и беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Президентом Австрийской Республики д-ром Р. Кирхшлегером.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель министра внешней торговли СССР Н. Д. Комаров, посол СССР в Австрии М. Т. Ефремов, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко;

с австрийской стороны — федеральный министр иностранных дел д-р В. Пар, федеральный министр торговли, ремесел и промышленности д-р Й. Старибахер, директор кабинета в канцелярии Президента д-р В. Лойбль, посол Австрии в СССР д-р Х. Лидерман, политический директор в федеральном министерстве иностранных дел посол д-р Ф. Бауэр.

Во время бесед были обсуждены вопросы двусторонних отношений и перспективы их дальнейшего развития, а также актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Беседы проходили в деловой, дружественной атмосфере, характерной для отношений между СССР и Австрией.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Федеральный президент Австрийской Республики д-р Р. Кирхшлегер выразили удовлетворение состоявшимся обменом мнениями и констатировали, что он был полезным для дальнейшего успешного развития отношений между СССР и Австрией в интересах мира и сотрудничества в Европе.

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. ГОСТЕВА

Во время митинга.

ГОЛОС СОВЕТСКИХ

Нет сегодня более важной благородной задачи, чем сохранение и упрочение мира. Об этом говорилось на грандиозном митинге общественности Москвы, состоявшемся во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках.

Митинг, который был проведен в рамках Недели массовых действий за мир, против ядерной угрозы, открыл председатель Советского комитета защиты мира Ю. А. Жуков.

Он отметил, что выдвинутые в последнее время товарищем Л. И. Брежневым новые важные мирные инициативы, развивающие и дополняющие принятую XXVI съездом КПСС Программу мира на 80-е годы, указывают единственно правильный и реалистический путь к решению задач ограничения и сокращения вооружений на основе принципа равенства и одинаковой безопасности сторон.

На митинге выступили сталевар московского металлургического завода «Серп и молот» Герой Социалистического Труда В. И. Коптев, летчик-космонавт СССР, председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова, ветеран Великой Отечественной

Фото М. Скурихиной

ЛЮДЕЙ

войны И. М. Лядов, заместитель председателя советского комитета «Врачи за предотвращение ядерной войны», академик АМН СССР Л. А. Ильин, первый секретарь МГК ВЛКСМ А. Г. Борцов, поэт, лауреат Ленинской премии Е. А. Исаев.

Участники митинга приняли Обращение ко второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Владимир НИКОЛАЕВ

Летом в Нью-Йорк приходит жара, а накал общественной и политической жизни заметно спадает. В этом году, несмотря на обычный зной, здесь отмечается повышенная дипломатическая активность, в огромном здании Организации Объединенных Наций готовятся к открытию II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Этот форум привлекает к себе внимание во всем мире. Ведь на нем речь будет идти о самом главном, чем сейчас озабочено человечество,— о разоружении, об устранении угрозы ядерной катастрофы, нависшей над нашей планетой.

Борьба против ядерного безумия — это борьба за выживание рода человеческого как такового. Эта очевидная мысль овладела сегодня сотнями миллионов людей, на всех континентах ширится и растет невиданное ранее по своим масштабам движение за мир, за прекращение гонки ядерных вооружений. По всей Западной Европе прокатываются мощные волны сторонников мира, в рядах которых выступают представители самых широких масс, разных политических и религиозных направлений. Сегодня это движение захватило также США и Канаду. 18 мая агентство Ассошиэйтед Пресс опубликовало такие данные опроса общественного мнения: «Трое из каждых четырех американцев считают, что использование ядерного оружия привело бы к полномасштабной мировой войне. 83 процента высказались за замораживание производства ядерного оружия».

Это мнение подавляющего большинства американцев — знамение времени. Их обеспокоенность не случайна. Несмотря на многочисленные мирные инициативы и предложения Советского Союза, американская сторона всячески уклонялась от обсуждения проблемы разоружения. «Не так давно,— напоминает газета «Ньюсдей»,— Рейган и его советники практически исключали всякую возможность переговоров, выдвигая аргумент об увязке». И не без оснований газета «Вашингтон пост» писала: «По мнению множества американцев и европейцев, при Рейгане опасность того, что мы окажемся втянутыми в ядерную войну, гораздо больше, чем при любом из его предшественников. Это мнение вызвано как напористостью, которую администрация проявляет в области внешней политики, так и непродуманностью заявлений президента и его ближайших советников, ведущих речь о «тактической» ядерной войне, рассуждающих о нанесении «предупредительных» ядерных ударов, обсуждающих качества нейтронной бомбы... Слишком многие боятся, что Рональд Рейган нажмет на ядерный спусковой крючок».

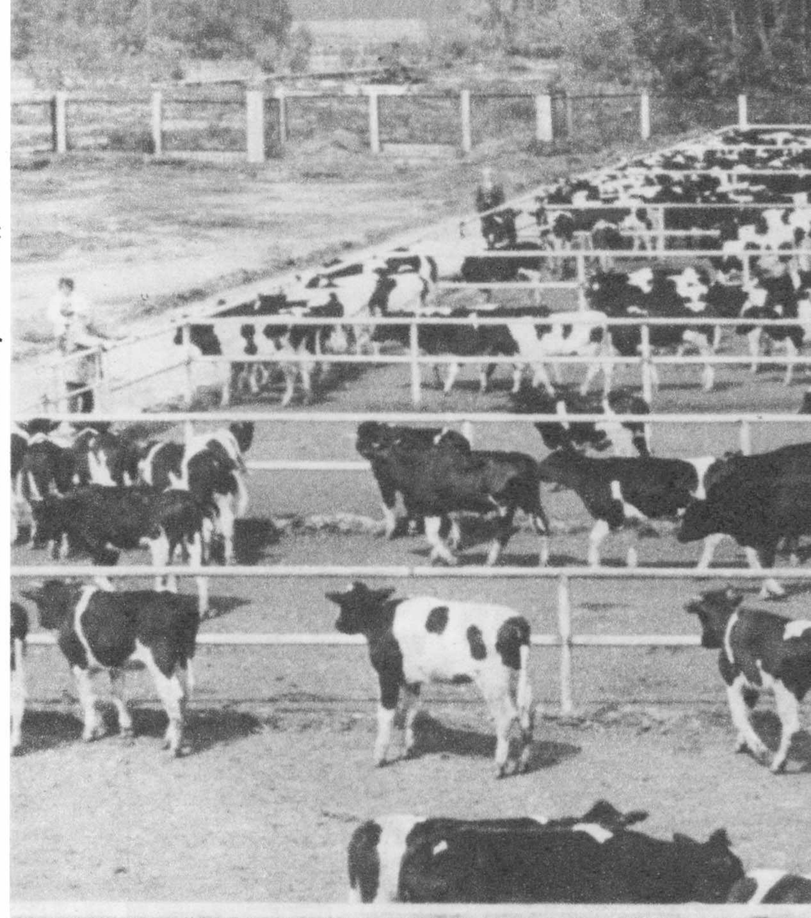
Такие опасения разделяют не только рядовые граждане США и других стран, но и ведущие политические, общественные и научные деятели. К ним относятся, например, американские сенаторы Э. Кеннеди, М. Хэтфилд, А. Крэнстон, бывшие государственные секретари США С. Вэнс и Э. Маски, ученые-физики Дж. Кистяковский и Г. Бете и многие другие. Очень показательно, что проект резолюции сената о замораживании ядерных вооружений, внесенный Кеннеди и его коллегой Хэтфилдом, поддержали уже 190 сенаторов и членов палаты представителей. «Мы имеем поддержку со стороны миллионов людей по всей территории Соединенных Штатов,— сказал Э. Кеннеди.— Они считают, что надо положить конец этому ядерному безумию».

Под давлением общественного мнения, перед лицом нарастающего массового антивоенного движения представители вашингтонской администрации в последнее время пытаются подправить линию официальной пропаганды, они наконец согласились сесть за стол переговоров. Однако получается, что они на словах за замораживание и даже за резкое сокращение ядерных вооружений, но при условии сначала выполнить намеченную ими колоссальную программу вооружений. Создается впечатление, что под разговоры о мире Вашингтон пытается наращивать гонку ядерных вооружений, стремится к обеспечению военного превосходства США. На такой основе, разумеется, невозможно достичь договоренности по сложной проблеме разоружения. Здесь нужен иной подход — честный и справедливый. «Судьбы войны и мира,— говорил Л. И. Брежнев на съезде комсомола,— во многом зависят и от того, будет или не будет достигнута советско-американская договоренность об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Договоренность честная, справедливая, не ущемляющая ничьих интересов».

Недавно Л. И. Брежневу были вручены предложения и рекомендации, выработанные «Независимой комиссией по вопросам разоружения и безопасности», а также сопроводительное письмо ее председателя У. Пальме. В эту комиссию входили разные по своей идеологии и политическим взглядам люди, и они пришли к общим принципиальным выводам. Во-первых, в ядерной войне не будет победителей, и поэтому высшая ответственность состоит в том, чтобы предотвратить само возникновение войны, сохранить мир. Во-вторых, вера в возможность ограниченной ядерной войны является опасной иллюзией. В-третьих, они высказали уверенность в том, что необходимо заменить концепцию устрашения, основанную на накоплении вооружений, доктриной безопасности для всех. Эти три пункта весьма характерны. Именно к таким суждениям приходят все новые и новые миллионы людей, по доброй воле вливающиеся в бурно нарастающее антиядерное движение.

Л. И. Брежнев направил У. Пальме ответ, в котором заявил, что предложения и рекомендации, выработанные комиссией, будут изучены с должным вниманием. В ответе, в частности, говорится: «...Мы намерены сделать все от нас зависящее, чтобы II специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению прошла успешно». Народы ждут от своей всемирной организации решительных шагов, способствующих устранению ядерной угрозы.

Герой Социалистического Труда, оператор машинного доения М. С. Громова.

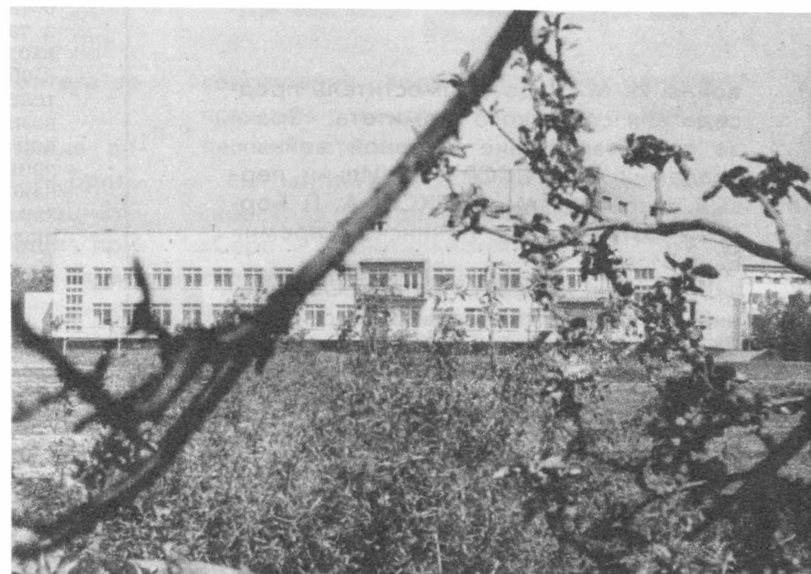

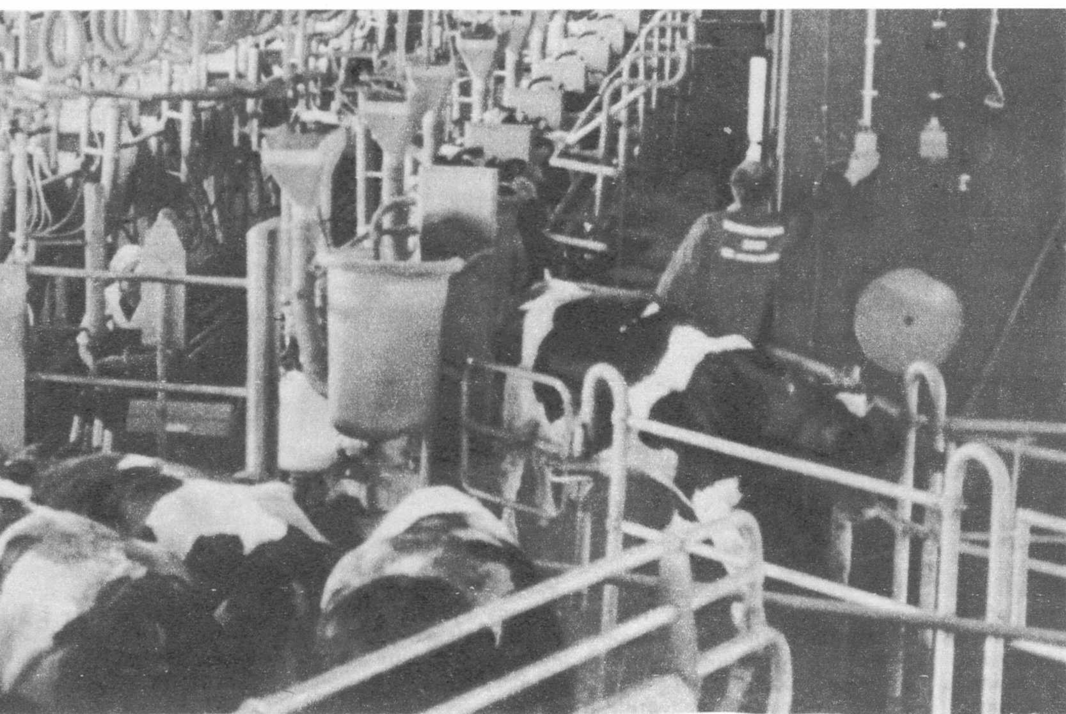
Начало «молочного конвейера» — стадо телочек.

СТРОКА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ

ВО

В станках доильного зала — одновременно 17 коров.

Хранилища кормов.

В каждом таком молочном «танкере» — 20 тонн.

СХОЖДЕНИЕ

Центральная усадьба совхоза.

Алексей ПАНЧЕНКО

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Последовательно проводить работу по переводу молочного животноводства на промышленную основу, в первую очередь за счет расширения и реконструкции существующих ферм. Улучшать качество молока.

Из Продовольственной программы СССР на период до 1990 года.

См. стр. 26.

НАШ АМЕРИКАНСКИЙ ДРУГ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА РОКУЭЛЛА КЕНТА

Ник. СОКОЛОВ,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда

Кроме почтовой марки «Авиа» с изображением самолета, на конверте наклеена еще одна — особая. На ней нарисован летящий белый голубь с оливковой ветвью и подписью под ним: «На земле мир». Автор этой марки — известный американский художник Рокуэлл Кент. Такой голубь мира вместе с конвертами летал в различные места земного шара. Много этих голубей прилетало и в нашу страну. Летели они из Соединенных Штатов Америки. И каждый, кто получал конверт с такой маркой, знал: в нем письмо от его американского друга Рокуэлла Кента.

Много советских друзей было у этого художника, и не только сотрников по профессии,— он считал своим огромным другом весь советский народ, а нашу страну называл своей второй родиной, своим домом.

Нам, всем троим Кукрыниксам, посчастливилось познакомиться и подружиться с этим талантливым художником, интересным человеком, проявившим себя смелым борцом за мир, до конца своей жизни интересовавшимся нашей страной, ее людьми, их достижениями.

Вспоминаю конец лета 1958 года. Черное море. На его берегу любимое место отдыха и работы художников — Дом творчества имени Константина Коровина в Гурзуфе. В узких улочках этого крымского местечка то и дело встречались художники самых разных возрастов с этюдниками, папками. Их видели работающими на пляже, в горах. А вечерами перед своим домом они устраивали веселые встречи— с маскарадами, музыкой, соревнованиями в остроумии. Роль игривой цыганки мог исполнять известный художник, нарядившись в цветной халат. Другой блестяще изображал иностранных туристов и, не зная языков, прекрасно имитировал речи на любом «языке». Рассказывались забавные истории.

Я тоже принимал участие в таких вечерах. Зрителей и участников бывало всегда много.

В плетеных креслах под южными деревьями сидели двое — миловидная стройная женщина и худощавый мужчина с гладко стриженной головой, седыми усиками, в светлой рубашке и отглаженных брюках. Темные живые глаза его поминутно меняли выражение, то весело прищуривались, то удивленно расширялись. Он иногда смеялся и незаметно для себя повторял движения выступающих. Нас познакомили. Это оказался Рокуэлл Кент...

Мы знали искусство этого художника. Строгие, спокойные формы гор в пейзажах на гравюрах и в картинах, груды белоснежных облаков, далекие пространства, леса, реки, солнце, дома и люди Америки. Природа Ньюфаундленда, Гренландии, Северной Аляски, и всюду люди труда — простые американцы. Человек и земля. Мир на земле... Об этом рассказывают картины и книги, написанные и иллюстрированные тоже простым американцем — художником и писателем Рокуэллом Кентом.

Невероятная любовь к жизни, молодость души человека без возраста, способного на большую дружбу. Чувство юмора в сочетании иногда с почти юношеским озорством. А ведь ему было тогда далеко за семьдесят.

Дружба его была искренней и прочной. Среди друзей Кента были многие советские художники, в том числе ленинградцы А. Мыльников, Алексей Соколов, москвичи Д. Шмаринов, О. Верейский, В. Горяев, искусствоведы В. Кеменов, А. Чегодаев и многие другие. С большинством из них он вел переписку, посылал им свои книги, альбомы, репродукции с живописи, графики, делал это щедро и в ответ с радостью получал из СССР книги по изоискусству, монографии наших художников.

Не один раз он вместе с женой Салли посещал Советский Союз и, возвращаясь в Америку, увозил с собой массу впечатлений от увиденного и от встреч. У себя на родине он смело и честно выступал перед многочисленными аудиториями американцев с живыми, взволнованными рассказами и лекциями о правде жизни наших людей.

Вот что он писал в 1958 году:

«Впечатления, полученные нами в Вашей стране, оказались столь богатыми, что мы просто не смогли не поделиться ими с другими людьми. Начав выступать с лекциями, мы объездили всю Америку, вплоть до тихоокеанского побережья. Мир и дружба — я воспринимаю эти понятия с горячим личным чувством и, должно быть, также вкладывал в свои выступления личную симпатию к русскому народу. Во всяком случае (думаю, это Вас позабавит) в Сан-Франциско, где в переполненном зале я выступал со своим сообщением, все встали и стоя аплодировали мне, когда председатель собрания сказал, что назначает меня следующим президентом Америки.

Несмотря на множество поездок по стране и выступлений с лекциями, я все же нашел время написать книгу о своем заграничном путешествии, причем большую ее часть посвятил месяцу пребывания в вашей стране. Конечно, очень мало шансов на то, что найдется издатель, который примет эту книгу, все книги «левых», особенно если они дружески настроены к Советскому Союзу, у нас преследуются. Все же я послал рукопись в типографию для определения сметы расходов. Если сумма окажется доступной, мы сами напечатаем книгу ограниченным тиражом».

Перед этим письмом Р. Кент получил мое, в нем я послал свою гурзуфскую фотографию. Получив фото, он пишет: «Снимок нам нравится — в памяти живо встают те минуты, когда он был сделан, и царившее вокруг веселье. Среди мифов, распространенных сейчас в Америке и насаждаемых также во многих других странах, бытует миф о том, что русские — подавленные, угрюмые люди, которые никогда не улыбаются. Эта маленькая фотография полностью опровергает подобные выдумки. Часто вспоминаем наш прощальный ужин в Гурзуфе и задорный юмор Алеши Соколова, имитировавшего речь иностранцев».

Хочу еще привести выдержки из писем Кента. Думается, они больше скажут об этом человеке, о его душе, чем любые пространные рассуждения.

1961 год. «Начну с сообщения о том, что, несмотря на нравственное нездоровье, распространяющееся по всей нашей стране, мы с Салли находимся в добром здравии физически и морально, оттого что мы не следуем примеру множества американцев, которые роют ямы в подвалах, устраивая там себе жилища на случай войны, хотя если и впредь дела в Америке пойдут так, как сейчас, я и сам, может быть, окажусь в некоем убежище за гранитными стенами, то есть буду посажен в тюрьму за поддержку такого предосудительного дела, как укрепление мира. Неофашистское движение в Америке достигает устрашающих размеров, и при его связях с Пентагоном вполне можно ожидать фашистский путч. А я тем временем продолжаю как общественное лицо делать то, что в моих силах, во имя мира, хотя сейчас это всего лишь выражение солидарности с теми, кто активно выступает в этой области. Как частное лицо я высказываюсь средствами своей живописи.

Ждем с нетерпением, когда снова будем находиться среди наших советских друзей и когда уедем из душной, давящей атмосферы «свободного мира», чтобы оказаться там, где можно свободно дышать и надеяться на светлое будущее человечества».

1962 год. «Только что получили сообщение, что мой паспорт выслан нам по почте. Так что теперь существует вполне реальная возможность, что мы увидим и Вас, и Надю, и весь ваш народ, и моих друзей Кукрыниксов примерно через четыре месяца, считая с сегодняшнего дня. Удивляюсь, как это мое немолодое сердце не разрывается от такой радости!»

В конце ноября 1962 года, в период работы над пейзажем, изображавшим дом, в котором в 1905 году в течение полугода жил М. Горький, Рокуэлл Кент тяжело заболел. Несмотря на это, неутомимый художник оставался жизненно активным человеком. Он писал:

«Особенно бесило меня — да и нас обоих,— что инсульт случился со мной в дни карибского кризиса и я был, конечно, не способен ни к каким действиям ни во время кризиса, ни в последующие несколько недель. Вполне естественно, что, находясь в уединении и вынужденном бездействии, мы принялись за чтение русской литературы, обращаясь мыслями к тем людям, которые стали нам дороже всех других людей во всем мире: друзьям из Советского Союза.

Из переведенных писателей, книги которых стоят у нас на полках, мы прочитали и Лермонтова, и Пушкина, и Толстого, и Тургенева, и Чернышевского, и некоторых современных писателей. Издавна привыкнув искать и находить в книгах самых лучших, самых дорогих друзей, мы и в этот раз оказались в дружеском окружении. Теперь вокруг нас не только дорогие сердцу книги, но целая коллекция памятных вещей, связанных с нашими советскими друзьями, и наш дом превратился в настоящий музей советско-американской дружбы: но в этом сельском довольно-таки невежественном мирке мало кто заходит в наш музей».

Мы, Кукрыниксы, послали в 1963 году Р. Кенту альбом репродукций с наших политических плакатов и карикатур на антифашистские темы, созданных в основном в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. В ответном письме Кент писал нам:

«Вещи, созданные Вами в прошлом, и сейчас жизненны — переиз-

Р. Кент. 1882—1971. ХУДОЖНИК В ГРЕНЛАНДИИ. 1932.

Р. Кент. СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК, СТАРАЯ ЛОШАДЬ, СТАРЫЙ САРАЙ, СТАРЫЙ МИР. 1957.

дание карикатур и плакатов военного времени, к несчастью, почти так же своевременно в теперешнем мире, как и в годы войны. У нас хранится довольно большая коллекция советских плакатов военного времени, которые высылались мне в годы войны. Регулярно получая плакаты, я отдавал их на выставки в Нью-Йорк в большом количестве и делал это до тех пор, пока не обнаружил непозволительного с ними обращения, после чего решил, что могу с бо́льшим успехом хранить их у себя дома».

В связи с организованной в Советском Союзе выставкой американской живописи и графики в нашей переписке возник вопрос об абстракционизме. О нем Р. Кент высказал свое мнение таким образом:

«Абстрактное искусство глубоко отвратительно. Безусловно, оно создано на потребу буржуазного рынка и всегда будет находиться за пределами искусства, которое нужно народу. Но снова, по моему мнению, реалистическое искусство не появится у нас до тех пор, пока народ не получит уверенности в правоте своего суждения и пока не появится правительство, выражающее интересы народа и со всей полнотой осознающее глубокую важность искусства для народа. Абстрактным художникам нечего сказать, но именно эта пустота и есть легкий путь к большому бизнесу.

Вовлеченный недавно в спор с одним таким абстракционистом, я сказал, что шимпанзе пишут картины, которые вполне можно сравнить с тем, что делают их человеческие собратья. «Ну и что же!— воскликнул мой абстракционист.— Не надо смотреть на шимпанзе сверху вниз. Животные могут создавать очень красивые вещи». Услышав это, я прекратил разговор, чувствуя полное отвращение. Зная, что рост абстракционизма на Западе и главным образом в Америке происходит единственно в силу поддержки, которую он получает от скучающей и чересчур богатой буржуазной верхушки, и что тот, кто следует высоким целям искусства, тоже, к несчастью, связан у нас с рынком, как представитель любой другой профессии, я считаю, что разрешение проблемы абстракционизма скорее зависит от публики, чем от художников. Честная, просвещенная публика — лучшая защита от нашествия ложного искусства. Там, где опора искусству — сами простые люди, сам народ, как это у вас, в вашей стране, абстракционизма не потерпят. Искусство должно питаться жизнью реальной, а не отраженной».

Оправившись после тяжелой болезни, длившейся долгое время, неутомимый художник со своей супругой вновь приезжают в Советский Союз и предпринимают интересное путешествие по Волге, о котором давно мечтали оба. Вместе с Кентами на пароходе плывут и художник Я. Д. Ромас с женой и сыном.

1964 год. «Поездка по Волге была восхитительна, и мы еще больше оценили картину, которую Вы подарили нам перед отъездом. Яков и Алеша Ромас были чудесными спутниками, а ваша великая Волга оказалась такой же необъятной и чудесной во всех отношениях, какой мы рисовали ее в своем воображении. Но об этой поездке мы поговорим с Вами при встрече».

Открыто возмущаясь преступной агрессией Пентагона против Вьетнама и вспоминая работы советских художников, клеймивших нападение американской военщины на эту страну, Кент писал нам: «Как нужны сейчас Америке кисть и перо, сердце и ум, как у вас, чтобы выразить негодование всех честных американцев по поводу творимого во Вьетнаме насилия. Живя в этой раздираемой противоречиями стране, мы с Салли находим великое для себя утешение в том, что ваша страна, ставшая нам второй родиной,— это мирная земля, которую мы надеемся еще раз навестить, земля, народ которой — наш друг. Для нас это так прекрасно!

Хотелось бы поехать на Кубу, но для американцев это запрещенная зона. Пусть же все вы, наши дорогие друзья, будете здоровы и счастливы, а наступающий Новый год, как и подобает каждому новому году, будет самым счастливым в вашей жизни».

В мае 1967 года Рокуэллу Кенту была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Ранее он был избран почетным членом Академии художеств СССР. Эти события художник воспринял с большой радостью, заявив, что будет до конца своей жизни бороться за мир во всем мире.

Какова была политическая обстановка в то время у него на родине, можно судить из нескольких строк в одном из последних его писем:

«Нынешние времена довольно трудные для американцев из-за злостного курса нашего правительства и растущих в связи с этим разногласий. Хотя, по всей видимости, большинство американцев резко настроено против войны во Вьетнаме и полностью осознает серьезные растущие внутренние трудности, сейчас особенно обострившиеся, существует мало шансов, по крайней мере теперь, на то, чтобы восторжествовал здравый смысл...»

И еще:

«Сейчас мы опять дома,— лето в этом году такое неровное: сильная жара сменяется необычно холодными днями, так что мы то наслаждаемся погодой, то едва терпим ее.

Мы здоровы и благополучны — насколько это позволяет хроническая болезнь Салли и мое непрерывное старение. Но как бы хороша ни была наша жизнь здесь, мы всегда испытываем тоску по вашей мирной стране и нашим советским друзьям, которых мы так нежно любим».

Исполнилось сто лет со дня рождения художника Рокуэлла Кента. В наше время крайнего напряжения международной обстановки на всей земле, зная о многочисленных демонстрациях людей в различных странах, особенно в Америке, гневно протестующих против подготовки к ядерной войне, с уважением вспоминаешь имя этого мужественного американца, активного борца за мир, большого друга Советского Союза.

«ПИШИТЕ В ВАШ ЖУРНАЛ...»

На обложке июньского номера журнала «Крестьянка» девушка на мощном тракторе, молоденькая, модная, веселая. Здесь же в левом верхнем углу — другой снимок: ее сверстница из двадцатых годов налегает на плуг, шагая за крестьянской лошадкой. Шестьдесят лет разделяют эти фотокадры. И столько же лет издается один из старейших наших журналов, который по решению ЦК РКП(б) начал выходить в июне 1922 года. Всесоюзный староста М. И. Калинин в первом его номере, обращаясь к сельским женщинам, призывал: «Пишите в ваш журнал для своих сестер о своем житье-бытье, о том, как продвигается ваша работа в деле строительства новой жизни. Через журнал «Крестьянка» протяните друг другу руки помощи, все трудящиеся крестьянки!»

Шестьдесят годовых подшивок «Крестьянки» — это своевременно схваченный и запечатленный опыт той части народа, которая в момент создания журнала превышала по численности все другие классы страны — трудового крестьянства. «Вступай в колхозы!», «Крестьянки откликаются на зов работниц, организуют красные обозы», «Одолеем грамоту!», «Женделегатки делятся опытом» — заголовки старых номеров, словно индикаторы социальных и духовных процессов на селе в те далекие времена.

Пять тысяч — таков был тираж «Крестьянки» в 1922-м. Ныне — шесть миллионов семьсот тысяч экземпляров. Сегодняшняя «Крестьянка» показывает сельскую труженицу в главных сферах ее деятельности — производственной, социальной и духовной, старается пропагандировать опыт лучших хозяйств страны в осуществлении Продовольственной программы, помогает читательницам разобраться в нравственных проблемах современной жизни, учит воспитывать детей, ладить с людьми, вести дом.

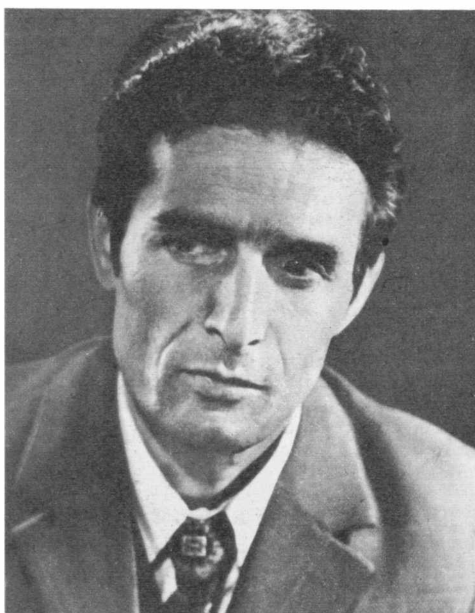
Недавно редакция распространила анкету, в которой спрашивала читательниц об интересном и поучительном в работе журнала, что им нравится и не нравится в «Крестьянке». Откликнулись около десяти тысяч человек. Ответы пришли из разных республик нашей страны, из Болгарии, Чехословакии, ГДР. Более половины из тех, кто ответил на вопросы анкеты, молоды, им меньше тридцати лет. В таком коллективном совете — сила и непреходящая молодость журнала.

Трудно сравнивать старые номера «Крестьянки» и те, что выходят ныне,— ведь сельская жизнь так изменилась. От того, как удастся решить важнейшие экономические, социальные, нравственные проблемы на селе, зависит наше общее благо. И потому, как и 60 лет назад, настроения крестьянок, их отношение к жизни, их нужды и заботы очень важны и очень многое определяют. Делать журнал, который бы они любили и которому бы верили,— большая честь и большая ответственность.

Г. БУРКАЦКАЯ,
дважды Герой Социалистического Труда, член редколлегии журнала «Крестьянка»

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МУМИНА КАНОАТА

ЭТО ЖИЗНЬ САМА...

Каждое утро вместе с восходом солнца он ходит в горы — от его дома до них подать рукой. В хрустальном воздухе разлит величественный покой, здесь все дышит ароматом трав и цветов. Здесь, на пороге вечности, хорошо думается. Я понял это, когда по совету Мумина поехал через отроги в Нурек посмотреть на гигантскую плотину в горах, возведенную советскими строителями. Думалось о том, что когда-то эти места называли страной классического бездорожья. «Когда-то казалось,— говорит Мумин,— что здесь дорог не построишь — столь высоки пики, столь заснежены поднебесные хребты. Но на Памире дороги построили. Иначе и быть не могло, потому что,— Мумин задумался, как бы подыскивая подходящее сравнение,— потому что моя родина — колыбель поэзии. Какая связь? Прямая: человек, влюбленный в красоту слова, яснее постигает красоту природы, красоту жизни. И то и другое высоко и вечно...»

— Фарси, дари или таджикский —
его как хочешь назови:
Он для меня — язык искусства,
неумирающей любви

— сказал Мумин Каноат. И на этом языке «неумирающей любви» творили Рудаки и Хайям, Хафиз и Бедиль, Амир Хосров и Руми, Айни и Турсун-заде. Любому таджикскому стихотворцу сегодня приходится невольно равняться на великих поэтов. Ведь народ отбирает лучшие строки, оставляя в своей памяти только вечное. Мумин знает, что из сотни тысяч бейтов Рудаки в памяти людской сохраняется только тысяча.

Новая таджикская литература выдвинула новые имена. Среди них и Мумин Каноат. Стремительный, он говорит рассудительно-мудро. Я был в его доме у подножия гор, слушал его речи и речи его друзей. Встречаясь в Москве, куда Каноат приезжает часто по своим служебным делам — он первый секретарь Правления Союза писателей Таджикистана,— мы снова и снова говорим о поэзии. Его перо публицистически заострено на той самой «трещине мира», о которой напоминал Гейне. Поэзия Мумина Каноата отмечена стремлением раскрыть масштабность личности нашего современника. Он умеет «пропустить через сердце» все, чем живет страна. Он весь во времени, в его прошлом измерении и в его настоящем. Всесоюзную известность приобрел Каноат после издания двух своих поэм — «Голоса Сталинграда» и «Материнский лик», за которые он был удостоен Государственной премии СССР 1977 года. В только что изданной «Советским писателем» книге «Колыбель Авиценны» (итог восьмилетней работы поэта) Каноат «вскрывает жилы истории», препарируя ее как путь добра и справедливости, побеждающей коварство и злобу.

Олжас Сулейменов писал о своем друге: «Идея и человек — основные герои лирики Мумина Каноата, неразлучные «Лейла и Меджнун» его поэзии... Критике еще предстоит по-настоящему осмыслить творчество одного из самых активных и интересных поэтов... Критики обратят внимание на черты, сближающие его манеру с классической и современной традициями...»

Считается, что поэт — посол своей земли. По нему, поэту, мир судит о народе. Вот почему вслед за своими собратьями по ремеслу Каноат считает, что пером поэта должны зодить политика и любовь, меч и лира.

— Мне могут возразить: дескать, это не ново. Может быть! Но только есть в нашей жизни понятия, о которых мы должны неустанно напоминать людям, ибо в одном случае забвение — милостивый друг, в другом — самый страшный враг.

Я пишу обо всем, что меня волнует и тревожит. И о великом Авиценне, и о строителях Рогунской ГЭС, и о своем отце — первом проводнике красноармейских полков в Дарвазе. Конечно, со времен Гейне многое изменилось в мире, но неизменным остался девиз всех истинных художников — всегда быть впереди, всегда быть на баррикадах. Важно не поддаться чувству отчужденности по отношению к тому, что происходит в мире. Элюар прекрасно сказал об этом: от горизонта одного человека к горизонту всех людей. Мир нуждается в поэзии, а поэзия нуждается в человеке. Помните, как заметил однажды известный писатель Франции, кстати, один из авторов «Огонька», Пьер Гамарра: «Роза в ночи — это не роза, роза в тюрьме — это не роза, роза, расстреливаемая из пулеметов,— это не роза. Для того, чтобы роза стала розой, нужна человеческая рука, чтобы ее сорвать, или человеческие глаза, чтобы ее созерцать». Как актуальны эти слова сегодня, когда в мире неспокойно. И поэт должен напоминать людям всей земли о том, что аромат и прелесть цветка принесут истинное наслаждение только тогда, когда на земле воцарится мир.

Задачи поэзии интернациональны, если можно так сказать, всемирны, глобальны. Национальная культура не может быть создана в отрыве от проблем, стоящих перед всем человечеством. Вот почему не может быть поэзии, существующей в узконациональных рамках. Поэзия Фирдоуси и Хайяма, Саади и Рудаки была голосом не только таджикского и иранского народов, она доходила до каждого читателя, где бы он ни был. Доходит она и сегодня до нас, служа средством единения людей, ибо в стихах этих великих поэтов выражены общечеловеческие чувства и устремления.

...С первыми своими стихами Мумин пришел в Союз писателей, к Баки Рагим-заде, когда учился в университете. Стихи мастеру понравились. Но долго еще не заходил к нему молодой поэт — стеснялся, не думал, что судьба его уже решена. А когда пришел, то познакомился с другим прекрасным поэтом и человеком, Мирзо Турсун-заде. Тот взглянул на него и с присущей ему добротой мягко произнес: «Он похож на поэта». Отступать было некуда. Стал писать еще больше, еще вдохновеннее. Перевел Шекспира, Шиллера, Мицкевича. И всегда думал об одном: о чувстве ответственности за каждое свое слово перед всеми, для кого пишет.

Это чувство ответственности и привело Мумина Каноата к поэме, ставшей всенародно известной, к поэме-симфонии, поэме — клятве тем, кто в жестокой битве с фашизмом сложил голову ради торжества жизни на земле. Поэма «Голоса Сталинграда» сильна единым патриотическим, интернациональным пафосом. Как отмечала критика, эпика «Голосов Сталинграда» достигает планетарно-символического обобщения. Автор говорит о могущественной силе слова, долженствующего «вмещать тяжесть планеты» и освещать своим смыслом бытие. Ощущение жизни, противостоящей смертоносной силе зла,— в каждой главе поэмы.

После выхода в сентябре 1972 года отдельным изданием на таджикском языке поэма в переводе Роберта Рождественского обсуждалась на секретариате Правления Союза писателей СССР с участием крупных советских военачальников и получила высокую оценку. Потом была публикация в журнале «Юность», выход отдельной книгой на русском языке и наконец — Государственная премия СССР.

— Поэма началась для меня, пожалуй, с первой книги, которую я открыл далеким весенним днем. Книга эта выглядела не совсем обычно: фразы в ней то и дело обрывались, слова на истерзанных, искалеченных страницах, казалось, задыхались, им не хватало букв, выбитых пулевыми пробоинами. Это был «Алифбо» — букварь, вывезенный из осажденного Ленинграда. Только подумай, фашизм воевал даже с этой детской книгой — символом мирной, счастливой жизни. Вот почему я много пишу о войне, вот почему я написал «Голоса Сталинграда». Простреленный «Алифбо» — это урок на всю жизнь. И я всю жизнь дописываю недостающие в нем слова и страницы, какой бы темы — высокой, гражданской или негромкой лирической, приземленной — ни касалось мое перо.

Перелистываю маленький томик стихотворений Каноата «Свет на вершинах», вышедший в издательстве «Художественная литература». В нем пять поэм и десяток лирических стихотворений. Поэта влечет к широким эпическим полотнам, к философскому осмыслению жизни, истории. Правда, в критике идут споры: одни отстаивают приоритет эпики как изначального качества поэмы, другие — приоритет лирики. Одни говорят, что в поле зрения эпоса должен быть весь народ, другие считают, что поэма должна быть обращена к духовному миру отдельного человека.

— Я не согласен с теми, кто считает, что обобщенный образ, и только он, важен в литературе сегодня. Да, он важен, но не менее важно понять, что современные герои — космонавты, рабочие, ученые — каждый сам по себе достоин воплощения в стихах и поэмах, герой войны — весь народ, но и каждый из народа, каждый из тех, кто воевал, тоже герой,— говорит Мумин и читает:

Если песнь, как горячий скакун, летит,
Если песнь, как тысячи струн, звенит,
Если песнь, как степная дорога, пряма,
Значит, это не песнь —
это жизнь сама!

Да, мир огромен. Огромен не только в гулкой безмерности земли и неба — огромен в каждом человеке. И творцом и героем поэзии Мумина Каноата является человек. Человек, прекрасный в своих порывах, в своей любви, целеустремленный, справедливый и яркий, как «свет на вершинах».

Феликс МЕДВЕДЕВ

СТРОКА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ

В докладе товарища Л. И. Брежнева на майском Пленуме ЦК КПСС поставлена задача обеспечить устойчивое снабжение населения всеми видами продовольствия, заметно повысить потребление высококачественных продуктов, существенно улучшить структуру питания. В комплексном решении продовольственной проблемы, в увеличении надоев и привесов стада важное значение будет иметь ценнейшая белковая культура — соя. Продовольственная программа предусматривает расширение ее посевов.

СОЯ-ЗЕЛЕНЫЙ КЛАД

В. КУЗНЕЦОВ

Маленькая шкатулка, сработанная амурскими умельцами, а в ней десяток правильной формы золотистых жемчужин. Это соя. Как память о детстве. Для нас, амурских мальчишек, в голодные послевоенные годы деликатесом была соя, жаренная в русской печке... В наше время о сое говорят и пишут много, ее называют чудом планеты, кладовой белка, сравнивают с эликсиром жизни... И я понимаю теперь, что соя вовсе не лакомство деревенских мальчишек, но ценнейшая бобовая культура, значение которой возрастает с каждым годом, и не только на Дальнем Востоке. Но сначала напомню, что́ это за растение и каковы его возможности.

«Ни одно растение в мире не может произвести за сто дней вегетации столько жира и белка, сколько содержит соя. Ни одно растение не может соперничать с ней по количеству продукции, которую она дает...» — так сказал об этой культуре селекционер, лауреат Государственной премии В. А. Золотницкий.

Соя при переработке практически не оставляет отходов. Соя — это сырье для пищевой промышленности, это и ценный белковый корм. Более сорока процентов протеина содержат соевые бобы. Известно, что количество протеина определяет ценность растения. Соя вне конкуренции.

А соевое масло? В его составе много витаминов. Но главное в соевом масле — фосфатиды, дающие лецитин, так необходимый для питания нервной ткани. Соевое масло — сырье для высококачественных красок, лаков, олиф...

С каждым годом все заметнее расширяется сфера применения сои в фармацевтической, бумажной, текстильной промышленности.

На земном шаре ей отведено почти тридцать миллионов гектаров. Добрая половина плантаций — в США. В нашей стране она традиционно «прописана» на Дальнем Востоке, в частности, в Амурской области. Но в последние годы от опытных посевов к производственным смело перешли и земледельцы Крыма, Кубани, Молдавии, Ставрополья, Нижнего и Среднего Поволжья, Закавказья, Казахстана. В этих районах немало полей, способных дать высокие урожаи сои. Например, на Херсонской опытной станции она давала до сорока центнеров бобов с гектара и более трехсот центнеров зеленой массы.

В Амурской же области она занимает почти полмиллиона гектаров, то есть две трети всей пашни. Средняя урожайность в годы минувшей пятилетки составила шесть с половиной центнеров, хотя хозяйства южной зоны научились получать по пятнадцати и более центнеров с гектара. В этих цифрах, как в зеркале, отражена проблема сои. Трудная это культура, она требует особого внимания, особого умения. Чудесное растение не любит земель плохих, холодных, не любит и равнодушия, не отдает своего богатства тем, кто бросает бобы в борозду как попало, без знаний. Так зачем же сою упрямо сеют там, где ей плохо? За всю историю возделывания на севере Амурской области урожай ее даже в удачные годы не превышал четырех центнеров с гектара. Явная дискредитация растения со стороны планирующих органов и тех, кому все равно, что́ сеять. Но какой же смысл насиловать растение таких богатых возможностей? Вот что рассказал мне в одну из поездок по Приамурью главный агроном областного управления сельского хозяйства Эдуард Михайлович Петров:

— Более четверти века я отдал сельскому хозяйству. Когда-то работал в местах, самых северных в области, граничащих с районами вечной мерзлоты. Убежден, что сеять сою в тех местах — бесперспективное дело. Не спасает ее в северных районах даже гребневая система, предложенная директором Селемджинского совхоза, кандидатом сельскохозяйственных наук Алешиным. Он пытается компенсировать недостаток тепла концентрацией гумусного слоя в грядах...

А еще своеобразие этой культуры в том, что ее можно сеять на одном поле не чаще чем через два-три года. И тот, кто пытался было сеять сою по сое, как бы открывал «зеленую улицу» нашествию соевой плодожорки. А она беспощадна.

Мнение главного агронома Э. М. Петрова: в северных районах области использовать только зеленую массу сои. К счастью, белком богаты не одни бобы, но и молодое растение.

Помню, я поинтересовался у Эдуарда Михайловича, каково его мнение о работе селекционеров Всероссийского научно-исследовательского института сои, расположенного в Благовещенске. За последние годы они вывели несколько новых сортов. К сожалению, все еще долог вегетационный период нашей дальневосточной сои. Слаба и оболочка бобов: механизированная обработка сильно их травмирует. К тому же пока нет ни специальных уборочных машин, ни даже сеялок.

Селекционеры Благовещенска создают более скороспелые сорта. Дело это трудное. Разница в сроках созревания между новыми и старыми сортами пока всего лишь один-два дня... Совершенно очевидно, что самое время заняться выведением холодостойких сортов и сортов с более прочными бобами, пригодными к механической обработке. Для существующих сортов температура почвы при посеве не должна быть ниже десяти градусов. Но амурская земля настолько прогревается только в самом конце мая — начале июня: для посева остаются считанные часы. Так что давно нужны сорта более холодостойкие.

У меня на ладони соевые жемчужины, подаренные комбайнером Владимиром Косицыным прошлой осенью. Помню, он остановил комбайн и радостно крикнул заведующему лабораторией механизации ВНИИсои Ю. В. Терентьеву, что урожай составит двадцать центнеров на круг. Владимир убирал на опытном участке, и был у него экспериментальный комбайн. Точнее — модернизированный: группа, руководимая кандидатом технических наук Ю. В. Терентьевым, переделала обычный серийный комбайн. У новой машины потери были почти вдвое меньше — не более восьми — десяти килограммов на гектаре.

— Хорошая машина,— хвалил агрегат Владимир Косицын. Ему можно верить: он был самым первым и, пожалуй, самым строгим судьей. Беда в том, что все переделки — из области самодеятельности.

Весной прошлого же года Ю. В. Терентьев пригласил меня на испытание нового агрегата для предпосевной обработки почвы, созданного в той же лаборатории механизации. Погожим утром мы ехали на поле опытно-производственного хозяйства Всероссийского НИИсои. Дорогой разговорились. Юрий Васильевич сказал: «А многим ли известна эта древнейшая азиатская культура? В магазинах сою, можно сказать, не продают, нет соевых изделий и в булочных. И на даче она ни у кого не растет, хотя принадлежит к семейству бобовых. А ведь ни горох, ни фасоль не могут сравниться с ней! Соя — изумительный продукт, представляющий собой высокий концентрат растительного белка. А «родилась и воспиталась» она в муссонном климате, где много солнца и влаги... Так что капризы ее наследственны, нашим селекционерам есть над чем поработать».

В перспективе сое уготована роль основного в нашей стране белкового корма. Остается резко поднять ее урожайность!..

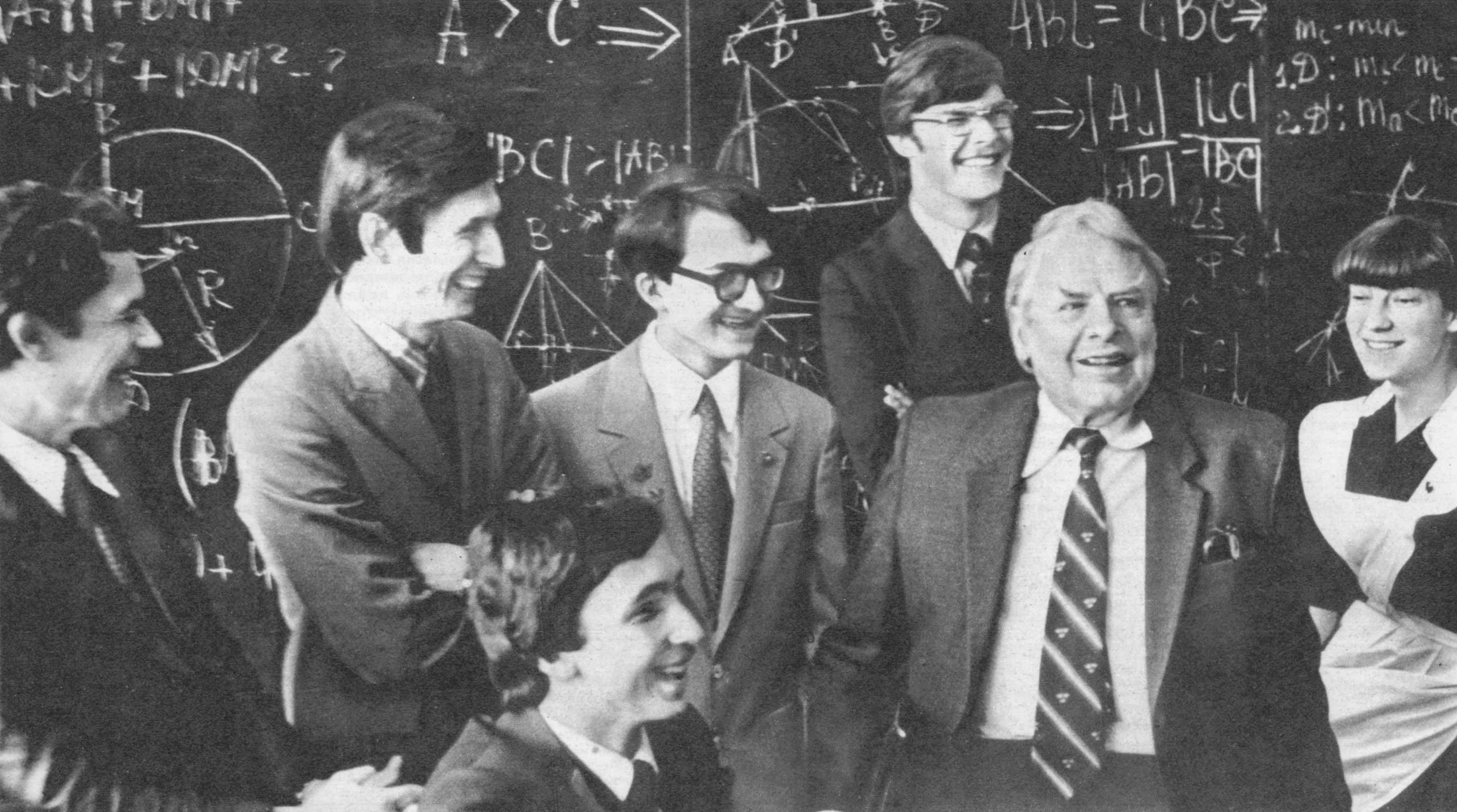
Соя не терпит, я бы сказал, даже малейших отступлений от требований агротехники. Достаточно пренебречь хоть одним из них, чтобы тут же пожать плоды собственного невежества или равнодушия. Возьмем удобрения. Главное не их количество, а сроки и способы внесения. Соеводу необходимо знать не вообще поле, а особенности каждого участка на поле, уметь правильно использовать туки и гербициды.

На поле, где шли испытания новой техники, был и председатель колхоза «Родина» Юрий Андреевич Тишков, депутат Верховного Совета СССР. Вот нашел же человек время, чтобы раньше иных соеводов посмотреть новое, пощупать его собственными руками, оценить.

Юрий Андреевич был не один: привез и главных специалистов колхоза — агронома Александра Акимовича Рыбникова и инженера Сергея Михайловича Печеника.

Все вместе осмотрели новинку. Комбинированный агрегат для локально-ленточного внесения минеральных удобрений и предпосевной обработки почвы колхозникам понравился. Существующие серийные разбрасыватели удобрений не удовлетворяют земледельцев, потому что оставляют удобрения на поверхности почвы, а корни сои живут куда глубже. Получается, что подкармливаются сорняки. Новый агрегат не только вносит удобрения на нужную глубину, он одновременно готовит почву под посев. Машина за один проход и удобрения вносит и рыхлит почву стрельчатыми лапами, выравнивает ее поверхность, вычесывает сорняки, боронует и еще прикатывает почву прутковыми катками, установленными на специальной раме.

...За те месяцы, что мы не встречались, Юрий Васильевич Терентьев закончил работу над докторской диссертацией. За успехи в труде получил орден «Знак Почета». Но весел не был: соевая сеялка, агротехнические параметры которой разработаны институтом и утверждены Министерством сельского хозяйства СССР, прошедшая испытание в условиях необычно тяжелого прошлого года, не включена в общесоюзный список новой сельскохозяйственной техники, то есть не получила путевки в жизнь. Взамен ее по настоянию Госкомсельхозтехники будут делать соево-кукурузную сеялку. Таким образом, вопрос о создании СПЕЦИАЛЬНОЙ СОЕВОЙ СЕЯЛКИ отложен на несколько лет. Ну, а в том, что сое нужна СВОЯ сеялка, убедила жизнь. Так считают ученые-дальневосточники.

Когда математики шутят. Слева направо: начальник учебно-методического управления университета С. В. Алешин, заместитель декана И. И. Мельников, абитуриенты Олег Чалых, Сергей Матюшев, Сергей Лесин, академик АН УССР Б. В. Гнеденко, Марина Булычева и Нурлан Рахметов.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

В НАСЛЕДСТ УВЛЕЧЕННО

Первое, на что обращаешь внимание, переступив порог механико-математического факультета МГУ,— молодость его преподавателей. Это потом узнаешь, что многие из них кандидаты наук, «без пяти минут» доктора, а пока...

— Где можно увидеть заместителя декана мехмата Ивана Ивановича Мельникова? — спрашиваю одного из студентов, поднявшись на пятнадцатый этаж университета на Ленинских горах.

— Я вас слушаю,— неожиданно отвечает мне «старшекурсник» и приглашает меня в свой кабинет. За соседним столом, склонившись над бумагами, сидят, судя по виду,— впрочем, теперь я уже ни в чем не уверен — будущие выпускники факультета.— Знакомьтесь,— говорит Мельников, показывая глазами на ребят. — Заведующий заочным отделением школы юного математика Игорь Сергеев и его коллега— директор малого мехмата (так называют на факультете математическую школу для старшеклассников) Ярослав Татаринов.—И, как как бы желая расставить все точки над «i», тут же заключает:— Не удивляйтесь, пожалуйста, молодости некоторых наших руководителей. Студентами мехмата абитуриенты становятся, как правило, «с первого захода» — шестнадцати-семнадцати лет, а их фундаментальная подготовка за время учебы в МГУ приводит к раннему раскрытию не только научных, но и организаторских способностей.

Декан факультета, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР О. Б. Лупанов вечером улетает в срочную командировку, поэтому сегодня бразды правления в руках И. Мельникова, и мы отправляемся вместе с ним знакомиться с будущими студентами мехмата.

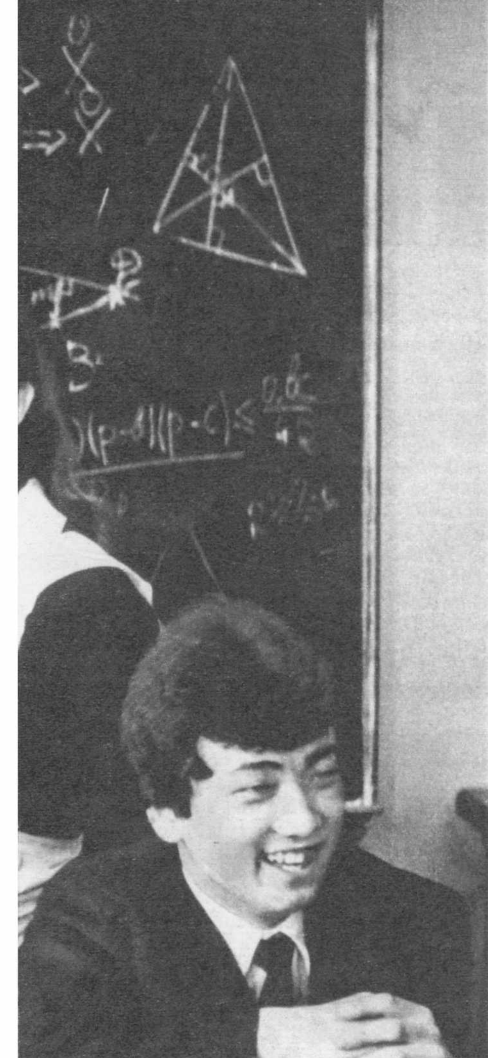
Возле одной из аудиторий собралась говорливая стайка ребят. «Ну, уж это-то наверняка школьники»,— думаю я, но вслух не высказываюсь. И. Мельников, словно улавливая мои опасения, замечает с улыбкой:

— Это и есть «студенты» малого мехмата. Сегодня у них встреча с руководителем кафедры теории вероятности академиком Б. В. Гнеденко.

«Студент» малого мехмата Дима Васильев недавно окончил седьмой класс 849-й московской школы. Как-то, став победителем районной математической олимпиады, Дима был замечен преподавателем университета, входившим в состав жюри, и приглашен в школу юного математика. Первый год занятий уже позади. Выполняя письменные работы, составленные специально для него опытным наставником из МГУ, регулярно приезжая в университет на собеседования, Дима ушел далеко вперед в изучении школьной программы и охотно помогает товарищам по классу, когда дело касается крепких математических орешков. Сам же он больше работает самостоятельно.

И. Мельников познакомил нас с начальником учебно-методического управления МГУ доцентом С. Алешиным. Станислав Владимирович много лет работает над проблемой отбора абитуриентов в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

— Занятиям со школьниками в стенах МГУ всегда уделялось особое внимание,— говорит С. Алешин. — Еще в начале шестидесятых годов на базе нашего университета была создана физико-математическая школа. Ее выпускники после окончания МГУ буквально за несколько лет защитили более двухсот диссертаций. Многие из них сегодня стали ведущими специалистами в своей области. Что касается занятий со школьниками на малом мехмате,— продолжает С. Алешин,— то их ведут не только преподаватели. Более четырехсот аспирантов постоянно работают с ребятами. Приобщены к этому делу и старшекурсники. Все они регулярно участвуют в работе районных, городских, республиканских и всесоюзных математических олимпиад, составляют и проверяют решения специальных задач, разрабатывают методические пособия, столь необходимые сегодня для общеобразовательной школы. Многие из них выезжают в соседние области, часто бывают в сельских местностях. И везде пристально всматриваются в тех, для кого математика может стать и призванием и смыслом жизни. Ибо так уж повелось на мехмате, да и на других факультетах МГУ: преподавателям небезразлично, кто придет в аудитории университета в новом учебном году.

ВО-СТЬ

Из рассказа С. Алешина мы узнали, что москвичи и ребята из Подмосковья занимаются математикой в МГУ по системе вечернего обучения. Ну, а тех, кто живет далеко от Москвы, связывают с мехматом нити заочного образования.

— О действенности малого мехмата, — говорит Станислав Владимирович,— можно судить хотя бы по такому примеру. Четыре года работает при МГУ школа юного математика. И первые же вступительные экзамены в университете показали, что большинство ее выпускников легко, без помощи репетиторов, преодолели сначала казавшиеся непосильными экзаменационные барьеры. А все потому, что вместе со знаниями наши преподаватели передают им увлеченность математикой на всю жизнь.

О том, что в МГУ по-настоящему думают и заботятся о пополнении нашей высшей школы, можно судить и по такому факту. Вступительные экзамены в Московский университет начинаются почти на месяц раньше, чем в другие высшие учебные заведения страны. Это и для того, чтобы хорошо подготовленные абитуриенты, уступившие в конкурсе более сильным, имели возможность, не теряя года, поступить на родственный факультет в другой институт.

...По соседству с аудиторией, где собрались «первокурсники» малого мехмата (учащиеся 7—9-х классов), занимаются его «выпускники» — нынешние десятиклассники. Среди них и учащиеся физико-математической школы-интерната при МГУ, которая на будущий год отметит свое двадцатилетие. Нурлан Рахметов приехал в Москву из Казахстана, Олег Чалых — из Витебска, Марина Булычева и Сергей Лесин—из Подмосковья... Сегодня у них грозный оппонент — академик Борис Владимирович Гнеденко. Гляжу на ребят и представляю себе их трепет и волнение. Но, оказывается, Гнеденко не признает никакого академизма в общении с ребятами. Весело, с юмором, почти на равных разбирает с ними сложнейшие задачи, создавая такой моральный климат, когда и поспорить можно и высказать заумную идею не запрещается. Особой дерзостью мышления выделяется Сергей Матюшев. И это неудивительно. Недавно Сергей занял призовое место на Всесоюзной математической олимпиаде и вошел кандидатом в сборную страны на предстоящую международную математическую олимпиаду школьников.

Академик Б. В. Гнеденко, улучив свободную минуту, рассказывает нам:

— Когда-то Лобачевский в предисловии к учебнику алгебры писал: «...Готов я думать, что если математика, столь свойственная уму человеческому, остается для многих безуспешной, то это по справедливости должно приписать недостаткам в искусстве и способе преподавания». Сегодня мы можем высказать этот упрек в адрес нашей общеобразовательной школы, которая не открывает перед своими выпускниками всех тайн мудрости математики. Поэтому в работе со школьниками мы стремимся показать им, что математика является одним из основных методов познания закономерностей окружающего нас мира, что она находит применение в непосредственной жизни общества: организации производства, управлении качеством промышленной продукции, поисках оптимальных решений народнохозяйственных задач, в объективном изучении социальных явлений и многом другом. Я никогда не упускаю возможности в разговоре со школьниками,— продолжает Борис Владимирович,— напомнить им, что математика необходима для всего научно-технического прогресса и что страна постоянно нуждается и всегда будет нуждаться в пополнении творчески мыслящими математиками.

...Черная доска исписана вдоль и поперек многоэтажьем цифр. Непременное условие решения очередной задачи — оригинальность мышления. К доске подходит Сергей Матюшев. Я слежу за глазами академика и по их выражению понимаю, что мыслить неординарно Сергей умеет. Белый мелок, постукивая по доске, скользит по этажам сверху вниз, и рождается решение, которое, может быть, станет первым шагом на пути к осуществлению мечты будущего математика.

МАРИЙСКИЕ СУВЕНИРЫ

«Пёлик» значит «Подарок». Объединение художественных промыслов с таким названием тринадцатый год существует в столице Марийской АССР Йошкар-Оле.

В народном искусстве марийцев издавна распространены резьба по дереву, плетение из бересты и лозы, узорное ткачество, вышивание. И здесь следуют этим традициям.

— Сейчас в объединении работает более семисот человек, по республике у нас девять филиалов, — рассказывает Виктор Тимофеевич Румянцев, руководящий объединением со дня его основания. — Скоро предстоит 400-летие Йошкар-Олы, и мы подготовили панно «Дом Чавайна», одного из основоположников марийской литературы, а также настенный календарь... Наши матрешки идут на экспорт в Венгрию и Голландию, Бельгию и Монголию. Их покупали и в Австралии и на Капри.

Корзинки и лукошки из бересты, сувенирные шахматы, детская мебель, декоративные ложки, ручки, расписанные национальным марийским узором. Хороши вязаные изделия — яркие свитеры и шапки, восемьдесят процентов их предназначено для детей. А всего здесь выпускают более ста изделий.

Основное внимание уделяют в объединении переработке отходов древесины, кожи, меха. И вот результат: резные черпаки и ковши, забавные собачки, удобные кожаные тапочки на меху, сумки из кожи.

Красоту марийского края издавна отражают в своих работах вышивальщицы. Способность украшать ткань красивым узором у них в крови. Марийская девушка лишь тогда считалась невестой, если вышила подарки будущему мужу и всей его родне.

Цвета в марийской вышивке традиционные: красный оттеняется оранжевым и зеленым. А в орнаменте — изображения животных и птиц, цветы и ветки. И хотя вышивка часто плотна, она не выглядит тяжелой.

В цехе марийской вышивки йошкар-олинской фабрики «Труженица» — около пятидесяти работниц. Очень элегантны создаваемые здесь женские платья современного покроя с национальной вышивкой. Вышивают и фартуки, полотенца, салфетки, мужские сорочки. Часто получают специальные заказы, скажем, сделать костюмы для ансамбля. Художники, конструкторы, вышивальщицы создают узоры, используя коллекцию старинной вышивки. Здешние изделия экспонировались в Брюсселе, Будапеште, Бонне, Лейпциге...

В цехе в основном молодежь. Но есть и ветераны. В двадцатые годы, когда только создавалась артель, ставшая потом фабрикой, пришла сюда Августа Алексеевна Уланова. Какое-то время был у нее перерыв в работе. Но потом она снова вернулась на фабрику. Ей присвоено звание «Мастер — золотые руки». Высокое качество работы, творческий подход отличают ее. Августа Алексеевна учит молодых отношению к делу.

И. МИХЕЕВА

Директор объединения «Пёлик» В. Т. Румянцев.

Фото В. Аскоченского

6 ИЮНЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

ПУШКИН И

«Пушкин в Яропольце». Так называется готовящаяся сейчас к выходу в издательстве «Советская Россия» новая работа И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, авторов книг «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина». В работе широко использован неизвестный архивный материал.

Предлагаем вниманию читателей главу из новой книги.

И. ОБОДОВСКАЯ, М. ДЕМЕНТЬЕВ

Недалеко от Москвы, в Волоколамском районе, находится село Ярополец, в котором расположены два замечательных памятника русской культуры, две усадьбы — Гончаровых и Чернышевых, связанные с биографиями нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина и жены его Натальи Николаевны. История села Ярополец уходит в давние от нас времена. Некогда вблизи села был основан Иосифо-Волоцкий монастырь. В числе земель, отошедших к монастырю, находились и земли предков Пушкина, князей Ржевских. На протяжении двух столетий — XV и XVI — все новые и новые земли продавались и дарились монастырю членами этой семьи, которые уходили в монастырь. Неоднократно в монастырь приезжал Иван Грозный, крестным отцом которого был один из монахов-иосифлян. Царь выменял у монастыря часть понравившихся ему земель, в том числе и Ярополец, и с тех пор они стали местом царской охоты. В 1684 году, при правительнице Софье, село Ярополец было пожаловано бывшему гетману Украины Петру Дорофеевичу Дорошенко. После смерти Дорошенко два его сына поделили поместье. Александр был женат на дальней родственнице поэта, П. Ф. Пушкиной. Ему отошла та часть, где теперь расположена бывшая усадьба Гончаровых. Дочь Александра Петровича, Екатерина, вышла замуж за известного вельможу Александра Артемьевича Загряжского, который и построил здесь великолепный дворцовый ансамбль. Впоследствии это поместье унаследовала его внучка, Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская, мать Натальи Николаевны Пушкиной.

Вторая часть Ярропольца, перешедшая к Петру Дорошенко, была им продана Чернышевым. Фаворит Екатерины II З. Г. Чернышев возвел там роскошный дворец и разбил огромный регулярный парк. Оба дворца дожили до наших дней. Вот такими путями семейства Гончаровых и Чернышевых оказались близкими соседями.

Пушкин дважды посещал Ярополец, и потому эти места особенно дороги для нас. В оба свои приезда он был у Чернышевых, о связях которых с поэтом и пойдет ниже речь.

Недавно в одном из архивов нами найдены неизвестные письма на французском языке членов семьи Чернышевых к сосланному в Сибирь декабристу Захару Григорьевичу Чернышеву. Чернышевы — родственники А. С. Пушкина, со всеми ними он был хорошо знаком, неоднократно встречался и с З. Г. Чернышевым. Поэтому письма представляют значительный интерес.

И Пушкины и Чернышевы имели общих предков из старинного рода князей Ржевских. Сарра Юрьевна Ржевская, в замужестве Пушкина, дочь любимца Петра I, Юрия Алексеевича Ржевского, приходилась Пушкину прабабкой. А внучка другой дочери, Анны Юрьевны, Елизавета Петровна Квашнина-Самарина вышла замуж за Григория Ивановича Чернышева, владельца поместья Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии в пушкинские времена, так что семейство Чернышевых рассматривалось Пушкиным как близкая родня.

К родословной Ржевских Александр Сергеевич относился с таким же интересом, как к родословным Ганнибалов и Пушкиных.

Нет сомнения, что Пушкины и Чернышевы были знакомы домами, а младшее поколение обоих семейств было в дружеских отношениях. Так, например, Надежда Осиповна Пушкина писала сыну Льву Сергеевичу 8 мая 1833 года, что виделась с Елизаветой Григорьевной Чернышевой (в замужестве Чертковa): «Она поручила мне тебя поцеловать, уверить тебя в ее дружбе, сказать тебе, что она с удовольствием вспоминает время, когда мы так часто бывали вместе».

О своих родственных связях с Чернышевыми Пушкин упоминает в одном из писем к жене. Со многими членами этой большой семьи он встречался в Петербурге, Москве, Одессе и Ярропольце. Познакомимся и мы с этой семьей.

Граф Григорий Иванович Чернышев (1762—1831) в молодости принимал участие в походах Потемкина и Суворова, но военная карьера, очевидно, мало его привлекала, и впоследствии мы видим его уже при дворе, в звании обер-шенка. В то же время он состоял и членом тайной масонской ложи, в которой занимал видное положение. Этот широко образованный человек писал комедии и стихи. П. А. Вяземский, друг дома Чернышевых, отмечает его «тонкий ум и здравый смысл». Григорий Иванович был очень богат, его поместья, фабрики, заводы оценивались в два миллиона рублей. Он был женат на фрейлине двора Елизавете Петровне Квашниной-Самариной, по воспоминаниям современника, женщине с сильным характером, «воспитавшей в детях нравственные достоинства».

У супругов Чернышевых было семеро детей: сын Захар (будущий декабрист) и шесть дочерей — Софья, Александра, Елизавета, Наталья, Вера и Надежда. Все дети получили прекрасное воспитание и образование. Семейство это заметно отличалось от окружавшей его великосветской знати, и не случайно из него вышли декабрист Захар Григорьевич Чернышев и Александра Григорьевна, в замужестве Муравьева, широко известная героическая русская женщина, последовавшая за своим мужем в ссылку в Сибирь. Именно ей, своей родственнице, доверил Пушкин послание «Во глубине сибирских руд», которое она повезла на каторгу. «Она могла бы в любой момент подвергнуться обыску, аресту, допросу, — пишет академик М. В. Нечкина.— И Пушкин вверил ей свою судьбу».

Старшая из сестер, Софья Григорьевна, жила в Петербурге. Муж ее, Иван Гаврилович Кругликов, был участником войны 1812 года. Пушкин мог с ним встречаться в лицейские годы в Царском Селе, где квартировал гусарский полк, в котором служил Кругликов, а также позднее в Петербурге, когда Кругликов уже вышел в отставку. Шталмейстер, действительный статский советник, он был близок к придворным кругам. Так как единственный наследник чернышевского майората Захар Чернышев после декабристских событий был лишен всех прав состояния, Кругликов получил титул графа и фамилию Чернышев-Кругликов, а также и майоратные владения. Пушкин, несомненно, с ним встречался в Петербурге и в Ярропольце в 1833 и 1834 годах.

Елизавета Григорьевна Чернышева была замужем за Александром Дмитриевичем Чертковым, известным московским археологом и нумизматом, основателем знаменитой в те времена Чертковской библиотеки. В молодости он много путешествовал, в частности по Сицилии. Вернувшись, он написал книгу «Путешествие по Сицилии», и в 1836 году, когда Пушкин в последний раз приезжал в Москву, Чертков привез в подарок знаменитому родственнику свою книгу. Пушкин пишет жене: «...вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего Путешествия в Сицилию. Не побранить ли мне его en bon parent *?» Хотя в словах Александра Сергеевича и чувствуется легкая ирония, это не помешало ему на следующий день обедать у Черткова, о чем он также сообщил Наталье Николаевне.

Пушкин был знаком и с Натальей Григорьевной и с ее мужем Николаем Николаевичем Муравьевым-Карским. Генерал Муравьев — один из замечательных русских полководцев, участник Отечественной войны 1812 года, друг декабристов. Возможно, Пушкин знал Муравьева еще в Царском Селе, когда его друзья—Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер и Вольховский — посещали собрания Священной артели, одним из зачинателей которой был и Н. Н. Муравьев. Есть достоверные сведения об их встречах летом 1829 года во время поездки Пушкина на Кавказ. Кроме того, они, вероятно, встречались в Петербурге и в 1833 году, когда Муравьев, ожидая нового назначения, прожил там несколько месяцев. Он бывал и на балах в Аничковом дворце и у австрийского посланника Фикельмона, где нередко проводил вечера Пушкин с женой.

Вера Григорьевна Чернышева была замужем за Федором Петровичем Паленом, русским посланником в ряде европейских стран. Пушкин познакомился с ним еще в Одессе и, надо полагать, встречался с супругами в Петербурге.

И наконец младшая из сестер, Надежда, блиставшая оригинальной красотой, в описываемое нами время была еще не замужем.

Из писем Натальи Николаевны и ее сестер к брату Дмитрию Николаевичу Гончарову мы знаем, что Софья Кругликова, Вера Пален и Надежда Чернышева бывали в доме Пушкиных в Петербурге в 30-е годы, а Гончаровы и Наталья Николаевна делали ответные визиты. В Надежду Григорьевну был влюблен Дмитрий Николаевич Гончаров, и сестры всячески старались повлиять на Чернышевых, надеясь получить благоприятный ответ на предложение брата.

Единственный и горячо любимый сын Григория Ивановича Чернышева, Захар, окончил известную в те времена Школу колонновожатых, выпускавшую офицеров Генерального штаба. Школа эта была основана генералом Николаем Николаевичем Муравьевым (старшим **). В летнее время в его усадьбе Осташево, находившейся недалеко от Ярропольца, происходили учения воспитанников Школы. Обстановка, царившая в Школе, способствовала развитию свободолюбивых взглядов, и из числа ее воспитанников вышло двадцать четыре декабриста, среди них и Захар Григорьевич Чернышев.

Согласно его послужному списку, хранящемуся в архиве, в 1815 году он был зачислен колонновожатым в свиту императора по квартирмейстерской части. Благодаря положению и связям отца ему была обеспечена блестящая карьера. Чернышев быстро продвигается по служебной лестнице, и в декабре 1824 года он уже ротмистр Кавалергардского полка. Годы учения в муравьевской школе в окружении прогрессивно настроенной молодежи не прошли даром. В Кавалергардском полку Захар Григорьевич вступил в тайную организацию декабристов. Убеждения его свидетельствуют, что он мог бы сыграть значительную роль в восстании, но в это время его не было в Петербурге. Вот что говорит о нем брат друга Пушкина Михаил Иванович Пущин, встретившийся с Захаром после ареста, на гауптвахте.

«Привезли под вечер к нам же графа Захара Чернышева. Чернышев во все услышание начал кри-

* По-родственному (франц.).

** Отцом Н. Н. Муравьева-Карского.

ЧЕРНЫШЕВЫ

тиковать действия заговорщиков 14-го числа и сказал по мнению его нужно было увериться в артиллерии и поставить ее против Зимнего дворца, дать несколько залпов ядрами или картечью, чем попало, и тогда, он уверен, дело бы приняло совершенно иной образ, и мы тут бы не сидели».

За принадлежность к тайному обществу «с знанием цели», то есть об умысле цареубийства, Чернышев был приговорен к лишению чинов, дворянского достоинства и к четырем годам каторги, а затем — на поселение. Но, видимо, отец использовал все свои связи, и в окончательном приговоре Захар получил вместо четырех два года каторжных работ.

Семьи осужденных по-разному отнеслись к своим родственникам. Некоторые отреклись от своих сыновей, другие всячески противились отъезду дочерей к мужьям в Сибирь. Тем более разительным контрастом было отношение многочисленной семьи Чернышевых к Захару, Александре и мужу ее, Никите Муравьеву. Они поддерживают с ними самую тесную связь, стараются облегчить тяжелую их жизнь на каторге и поселении. Григорий Иванович продолжает свои неустанные хлопоты и добивается того, что каторжные работы Захара были сокращены до одного года.

Обнаруженные нами неизвестные до сих пор письма Григория Ивановича Чернышева к Захару относятся к периоду, когда тот вышел на поселение в Якутск и ему была разрешена переписка. Старик трагически переживал судьбу сына, горе его было безгранично, и все его отцовские чувства ярко и мучительно отражены в этих искренних словах любви и утешения.

Все помыслы Григория Ивановича обращены теперь на то, чтобы облегчить судьбу сына. Он посылает ему деньги, книги и газеты.

«Я надеюсь, ты получил книги, посланные Софи три месяца тому назад. Остальные я закажу в Москве и Петербурге. Помимо того, что ты просишь, ты получишь целое собрание французских классиков: Вольтера два тома, Расина, Корнейля, Буало, Мольера, — по одному тому» (Тагино, 16 октября 1828 г.).

В апреле 1829 года в результате настойчивых хлопот Григория Ивановича Захар Чернышев переводится на Кавказ рядовым в Нижегородский драгунский полк. Теперь сюда летят письма обрадованного отца...

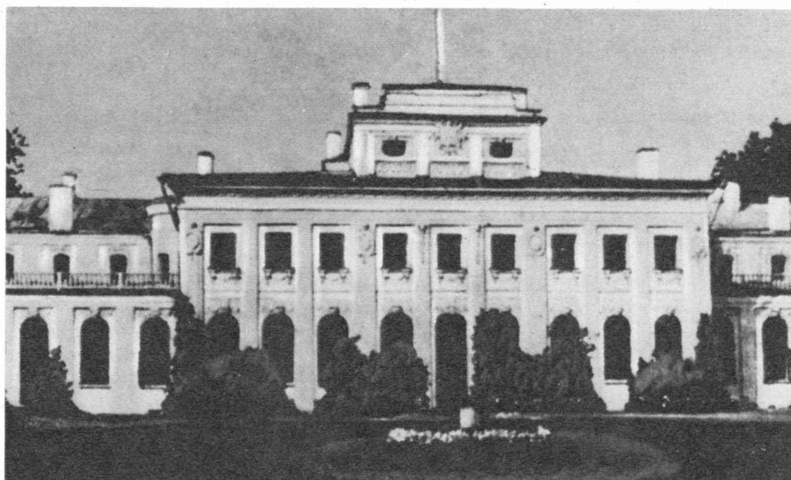
Очень интересен отзыв о Захаре Григорьевиче Чернышеве Н. Н. Муравьева-Карского, встречавшегося с ним на Кавказе в 1829 году.

«Приятные минуты, которые я здесь провожу, это с Чернышевым, какой достойный и честный юноша, какой скромности, каких принципов, он из класса тех, кому я приношу мое полнейшее уважение... Он терпеливо переносит свое несчастье, насколько он выше всех сортов людей, завистливых, наглых, неспособных ни к чему, жадных ко всему, с бесконечными претензиями и невыносимым чванством. Сколько находишь у себя недостатков, когда сравниваешь себя с таким уважаемым существом, как Чернышев».

Эти искренние слова в адрес Чернышева вряд ли можно переоценить. Характеризуют они и самого Николая Николаевича как человека с передовыми взглядами, большой душевной щедрости, высоко ценящего людей достойных, ненавидящих наглость и чванство великосветской знати.

А. С. Пушкин. Акварель П. Соколова.

Ярополец. Дворец Чернышевых.

Среди писем Григория Ивановича сохранилось и несколько писем к Захару старшей сестры Софьи Кругликовой.

«Император здесь уже пять или шесть дней, — пишет Софья Григорьевна из Москвы в июле 1830 года, — и весь город в волнении по случаю его приезда. Ты, конечно, понимаешь, что мы не бываем ни на одном празднестве или вечере, которые устраивают в его честь. Желание развлекаться и бывать в свете у нас пропало навсегда, мы достаточно настрадались за последнее время, чтобы получить полное отвращение к свету и ко всем его прелестям и иллюзиям... Скоро твой день рождения, мой дорогой мальчик, и никто не будет, чтобы тебе о том напомнить. Но по крайней мере ты знаешь, что я тебя целую от всего сердца. П р о щ а й, м о й м а л е н ь к и й д р у ж о ч и к» *.

Надеясь, что Захар скоро заслужит чин офицера, а значит, получит и свободу, Григорий Иванович страстно жаждал свидания с сыном, но 2 января 1831 года скончался, так и не дождавшись его...

В августе 1833 года Пушкин впервые посетил Ярополец и пробыл там сутки. В письме к Наталье Николаевне он подробно описывает любезный прием тещи Н. И. Гончаровой и свое пребывание там.

Он долго гулял по усадьбе и парку с управляющим Натальи Ивановны, но, рассказывая жене о всех «достопамятностях» гончаровского парка, Пушкин ни единым словом не упоминает о Чернышевых. А между тем их усадьба находилась в полуверсте от гончаровской, и совершенно невозможно себе представить, что, будучи в Ярропольце, Пушкин не осмотрел великолепный чернышевский парк, слывший «русским Версалем», и не посетил своих родственников в их замечательном дворце.

В действующей армии на Кавказе Чернышев неоднократно участвовал в сражениях и получил ранение в грудь навылет. Наконец в марте 1833 года он был произведен в офицеры и получил право на длительный отпуск. Лето семья Чернышевых проводила тогда в Ярропольце, и есть все основания полагать, что и Захар Григорьевич был там в это время. А раз так, то, конечно, Пушкин виделся с ним, разговор с декабристом должен был быть для него чрезвычайно интересным. Возможно, что, собираясь в Ярополец, он имел в виду эту встречу, но по вполне понятным причинам, опасаясь перлюстрации, умолчал об этом в письме к жене.

Второй раз Пушкин посетил Ярополец осенью 1834 года. Этот его приезд был связан с переговорами с Натальей Ивановной по поводу переезда сестер Александры и Екатерины Гончаровых к Пушкиным в Петербург, а также, вероятно, обсуждался и вопрос о покупке Пушкиным гончаровского имения Никулино (впоследствии не состоявшейся). Но в октябре 1834 года Захара Чернышева уже не было в Ярропольце: незадолго до этого он женился на племяннице Кругликова Е. А. Тепловой и вновь вернулся на военную службу на Кавказ.

Но если Пушкину на этот раз не удалось встретиться с Захаром Григорьевичем, у Чернышевых он снова был. Мы упоминали о том, что старший Гончаров, Дмитрий Николаевич, был влюблен в Надежду Чернышеву и упорно домогался ее руки, однако на свое предложение получил категорический отказ. Правда, Наталья Ивановна решилась еще на одну попытку с помощью Пушкина. Она надеялась, что ее близкое родство с прославленным поэтом может повлиять на Кругликову, заменявшую тогда младшим сестрам мать, и та уговорит Надежду Григорьевну согласиться на этот брак. С этой целью она и повезла зятя к соседям.

«При проезде Пушкина через Ярополец, мы с ним вместе были у Чернышевых, — пишет Наталья Ивановна сыну, — все с тем же добрым намерением продвинуть твое дело, но не решились ничего сказать по этому поводу».

Из письма Пушкина к жене от 26 августа 1833 года видно, что он весьма иронически относился к сватовству шурина.

«...Теперь, женка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышеву п о п о р т р е т у, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкве. Вот он и полез на стены. Пишет он из Заводов, что он без памяти от прелестной и божественной графини, что он ночи не спит и что ее прелестный образ и т. д. и непременно требует от Натальи Ивановны, чтоб она просватала за него прелестную и божественную графиню. Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали божественную и прелестную, которая отказала на отрез».

Очевидно, в семье Пушкиных не смотрели на возможность этого брака серьезно. Дмитрий Николаевич не был по понятиям того времени подходящей партией для богатой и знатной Чернышевой. Гончаровские имения были заложены и перезаложены, на предприятиях лежали колоссальные долги, многочисленная семья едва сводила концы с концами. Не блистал старший Гончаров, как его сестры и братья, и красотой, он был глуховат и заикался. Вполне понятно, что Наталья Ивановна хотела устроить этот брак, но Пушкин, несомненно, уклонился от миссии быть «сватом», а Наталья Ивановна, чтобы не огорчать сына, представила дело так, будто обстановка была не подходящей и они «не решились» начать разговор о матримониальных намерениях Дмитрия Николаевича.

В письме от 23 октября 1834 года Наталья Ивановна сообщает сыну, что Пушкин пробыл у нее один день. Это был последний приезд Александра Сергеевича в Ярополец.

После смерти Пушкина его семья, несомненно, не порывала связей с Чернышевыми. Так, известно, что Наталья Николаевна была в Ярропольце осенью 1837 года; в апреле 1838 года она приезжала в Ярополец на свадьбу брата Ивана Николаевича, женившегося на соседке — княжне Марии Мещерской. На этой свадьбе, надо полагать, были и Чернышевы. В дальнейшем Наталья Николаевна неоднократно приезжала сюда с детьми и вторым мужем, Петром Петровичем Ланским. И, конечно, Пушкины и Чернышевы встречались в Петербурге.

* С французского письма переведены И. М. Ободовской.

АКАДЕМИК И АКЫН

Ю. ЛУШИН

Фото автора

Хочу рассказать о великой дружбе казахского народа и народов России, о поистине глобальных достижениях Казахстана, шагнувшего благодаря Советской власти сразу из феодализма в социализм. Но как сделать это в коротком очерке? Если бы я был художником, то изобразил бы на картинах и космодром Байконур, и безбрежность целинных просторов, и нефтяные фонтаны Мангышлака, и сталеваров Темиртау, и бешеную скачку коней... Но все это у нас есть в картинах казахского художника Канафия Тельжанова и русского Евгения Сидоркина. Если бы я был поэтом или прозаиком, то сочинил бы поэмы или романы о дружбе двух великих народов, об их совместной борьбе против иноземных захватчиков, о великих свершениях на земле, считавшейся прежде краем света... И об этом уже написано и в стихах Олжаса Сулейменова, и в прозе Дмитрия Снегина. Если бы я был композитором, то воспел бы в музыке невиданный расцвет культуры того народа, который прежде, по словам поэта, «молчал на всех языках»... И музыка такая создана, достаточно лишь послушать симфонии Газизы Жубановой или Евгения Брусиловского...

...Океан состоит из капелек, судьбы народов складываются из судеб отдельных людей. Расскажу только о двух капельках, о двух судьбах, потому что они достойны и кисти художника, и пера поэта, и вдохновения композитора.

СЧАСТЛИВЫЙ РАЙОН ЗЕМНОГО ШАРА

Бронзовые головки степных тюльпанов казались выкованными из тонкой меди, чудилось, будто они звенели тонким мелодичным звоном под ветром, словно хотели рассказать о потаенных подземных кладах — залежах меди. Может, от них и услышал эту тайну молодой геолог Каныш Сатпаев, появившийся в этих местах в 20-е годы? Многие считали его чудаком и фантазером, многие не верили в будущее Джезказгана. Он верил. Он писал: «Можете назвать меня мечтателем, фанатиком — это ваше дело, но главным участком нашей работы является широкая, научно поставленная комплексная разведка недр... Не устану повторять, что нужно срочное, детальное изучение этого рудоносного края. Стоит мне только закрыть глаза, и я вижу Большой Джезказган, оборудованный по последнему слову техники: рудники, медеплавильный гигант, медную и железную руду, утопающий в зелени город. Это не бесплодная мечта... Мой Казахстан, моя степь тоскуют по большой, достойной их просторов индустрии. Мы, казахи, слышавшие с детства только ржанье коней да блеянье овец, лелеем мечты услышать гудок в степи».

Он шел к своей мечте с детства. Еще мальчишкой собирал цветные камни и все допытывался у отца, у пастухов, у соседей об их происхождении и свойствах. Давно это было, еще до революции. Что могли сказать неграмотному мальчишке неграмотные взрослые? Однажды в ауле появился русский геолог, знавший казахский язык. Они разговорились, и геолог объяснил Канышу, как называются собранные им камни. Мальчик спросил:

— Не скажете, где находится поблизости русская школа?

— А зачем тебе именно русская школа?

— Хочу выучиться и прочитать книги о камнях. Вы говорили, что есть такие книги...

Геолог уговорил Имантая, отца Каныша, отдать мальчика в школу. Так он оказался в Акмолинске, где стал первым учеником. Потом окончил учительскую семинарию в Семипалатинске и преподавал в аульной школе, а в свободное время запоем читал книги о минералах.

В России между тем происходили большие события. Английские дельцы, купив у русских купцов право на разведку меди, приехали в Джезказган. Их затея с самого начала смахивала на авантюру. Она началась анекдотично и лопнула как мыльный пузырь. Англичане обнаружили в Джезказгане богатые месторождения меди и... несметное количество змей, шнырявших повсюду. Надо было избавляться от неожиданных соперников, и дирекция предложила за каждую змею рубль. В первый же день казахи принесли тысячу змей. Англичане возмущенно уплатили тысячу рублей. Они не предвидели подобного капитального вложения и постепенно снизили цену на змей до одной копейки... Джезказган в ту пору был глухим, забытым местом, от которого до ближайшей станции 400 верст. Тратиться на постройку железной дороги концессионерам было не с руки, поэтому оборудование они решили доставить так называемым «караваном». От станции Джусалы уложили рельсовый путь длиной в 13 верст. На него поставили вагоны с пятью паровозами. Состав передвигался на 13 верст, после чего путь разбирался и укладывался заново впереди эшелона. Только через три года «караван» добрался до места назначения. Случилось это в историческом октябре 1917 года, когда ветер Великой революции вымел английских и прочих дельцов с нашей земли... Наступал час Каныша Сатпаева, будущего академика, создателя Академии наук Казахской ССР и ее первого президента. По настоянию русского геолога, профессора Михаила Антоновича Усова, с которым Сатпаев познакомился на кумысолечении, он переехал в Томск, где стал студентом геологоразведочного отделения Сибирского технологического института. Студентом был прилежнейшим. После лекций Усова удивлялся: «Почему лекции оканчиваются так быстро? Может быть, звонки преждевременно подают?» Вручая диплом Сатпаеву после талантливо написанной и с блеском защищенной им дипломной работы о медном месторождении, профессор Усов сказал: «Горжусь тем, что мой курс прошел первый из казахов, получивший звание горного инженера».

В Улутауской степи цвели тюльпаны. Далеко на горизонте проносились стада сайгаков. Сатпаев смотрел в ту сторону, но видел другое. Видел трубы заводов, видел рудники и шахты, видел большой город. Теперь он не мечтал, он рассчитывал. Он был твердо уверен, что под его ногами хранятся уникальные запасы руд, что необходимо как можно быстрее исследовать их и начинать строительство комбината. Он писал: «...Те первые фактические данные, которые имеются на сегодня, позволяют считать Джезказганский район тем немногим счастливым районом земного шара, в котором природа с исключительной щедростью собрала в одном месте в огромных количествах разнообразнейшие богатства недр». Предвидел ли он, что в годы труднейших испытаний его Родины и медь Джезказгана, и марганец, и свинец скажут свое веское слово на полях сражений?

Сатпаев боролся за Большой Джезказган. И в той борьбе было сколько угодно и драматизма и подвига. Однажды при несомненных успехах разведки меди руководители Главцветмета вдруг сообщили Сатпаеву, что средства на дальнейшие работы отпускаться не будут. Тогда он поехал в Москву, добился созыва научной сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Джезказгана, сделал на ней блистательный доклад, получил поддержку ведущих ученых страны, добился приема у наркома тяжелой промышленности страны Серго Орджоникидзе и положил ему на стол кусок уникальной джезказганской руды с богатейшим содержанием металла. В результате работы продолжались и увенчались успехом, а сам Сатпаев был удостоен Государственной премии...

В Улутауской степи цвели тюльпаны. На горизонте вставали очертания громадного Джезказганского горно-металлургического комбината имени Сатпаева. Это первое в мире меднорудное предприятие, на котором добыча руды полностью механизирована. Я увидел это своими глазами, когда спустился в одну из шахт Джезказганского рудника.

На 200-метровой глубине мы вышли из клети, и перед глазами возникла картина, неожиданная в своем великолепии. Огромнейший зал, купол которого уходил ввысь метров на двадцать, освещался прожекторами. В глубине зала рычала и двигалась какая-то железная зверюга с необычайной легкостью, впрочем, и известным изяществом ворочавшая огромными глыбами руды. Шла ее погрузка в 14-тонные МАЗы, подкатывавшие один за другим. Другая машина словно в нерешительности остановилась перед серой стеной, вытянув вперед длинные тонкие щупальца — буры. То была самоходная буровая коронка, способная бурить сразу четыре шпура, причем в разных направлениях. Да, техника здесь была современнейшая.

— Кто же ее повелитель? — спросил я.

— А вот знакомьтесь — бригадир Дембергек Баймагамбетов, — ответил секретарь парткома Валерий Павлович Прокопьев, потомственный геолог, отец которого работал в этих местах вместе с Сатпаевым. — Бригада его ежесуточно в течение многих лет выдает на-гора́ по тысяче тонн руды, а сам Дембергек — Герой Социалистического Труда.

— Дважды Герой, — вставил бурильщик Юрий Дружинин, и все рассмеялись.

Шутка, чувствовалось, проверенная, и Дембергек на нее не обижался. Дело в том, что у него в семье десять детей, и, естественно, его жена Анаркуль стала матерью-героиней. В бригаде же считали, что в подобных случаях положено и мужу присваивать звание отец-герой, и дружно его Дембергену присвоили.

— Жизнь дает человеку три главные вещи, — рассуждал Демберген, — любовь, друзей и работу. Любовь моя счастливая, друзей вон сколько, а работа хотя и трудная, но мне по душе. Старшие сыны по моим стопам пошли, тоже шахтерами стали на соседней шах-

Алма-Ата. Передовая бригада строителей Дарменбая Сатаева * Джезказган. В шахте, где добывается медная руда.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Высокогорная обсерватория Астрофизического института АН Казахской ССР * Совхоз «Сарытаукумский». Старший чабан-верблюдовод Аблай Бисенов * Тюльпаны зацвели * Столица республики ночью.

те. Младшие, когда подрастут, смогут выбрать свою дорогу. Это и есть счастье...

О ЧЕМ ПЕЛА НАДЕЖДА

Она тронула струны домбры, и по рядам изумленных аксакалов прошелестело: «Русская на айтысе — неслыханно. Что-то выйдет из этого, посмотрим...» А русская как ни в чем не бывало настраивала домбру, не догадываясь, какую бурю подняла в душе старых казахов. Еще бы! Испокон веков айтыс — импровизированное песенное состязание акынов — считался почти исключительно привилегией мужчин, а тут на́ тебе — девчонка, да еще русская. О том же, вероятно, думал и ее соперник, опытный акын, старше ее лет на пятнадцать: «Легкая добыча мне сегодня досталась, даже состязаться неинтересно. Да знаешь ли ты, девочка, язык казахский и обычаи моего народа, как знаю я? А может, тебе нужен переводчик? Да знаешь ли ты, что такое айтыс? Хватит ли слов у тебя, не иссякнут ли твои песни, как высыхают речки в песках?» Так он подумал и ударил по струнам, и зазвенела домбра, словно ливень на землю обрушился, и запел акын о том, о чем только что думал... (О, как станет он потом корить себя за легкомыслие и самонадеянность, но будет уже поздно.) Аксакалы одобрительно трясли бородами, с явным сожалением поглядывая на светловолосую, светлоглазую кзылординку, и ждали. Она тронула струны домбры и запела. И голос ее был чист и высок. Но не это изумило собравшихся. Она пела на чистейшем казахском языке, без малейшего акцента, и знанием традиций айтыса покоряла сердца аксакалов. В стихах она рассказывала о себе:

Я дочь казахского аула.
Тюльпаном алым в степи заглянула.
Степные ветры ластились ко мне,
И радость я в степной простор вдохнула.
Аул родной! Ты воспитал меня,
Мою любовь до времени храня.
Язык казахский мне навеки дал,
Сравнятся ль с ним и жемчуг и коралл.
Чтобы жила я с песней на устах,
Домбру мне подарил старик-казах...

На айтысах почти физически ощущаешь, что слово способно разить быстрее молнии, крушить тяжелее молота, быть более метким, чем бросок беркута. Берегись, наездник, не сумевший удержаться в стремительной гонке айтыса... В том поединке молодая кзылординка одержала победу по всем статьям. Красный от смущения, загнанный стихами, словно тяжелой камчой, уходил со сцены ее соперник. Аксакалы рукоплескали юной девушке-акыну и с уважением повторяли ее имя — Надежда Лушникова. Впоследствии по казахскому обычаю ее звали просто Надеждой, как всегда в народе звали знаменитых акынов только по имени. Она тоже станет знаменитой, победит на двух десятках айтысов разного калибра, выпустит несколько поэтических сборников и вступит в Союз писателей СССР, ей присвоят звание Заслуженного работника культуры республики, но она останется верна выбранной раз и навсегда скромной своей профессии — учительницы казахского языка и литературы в сельском ПТУ. Потому что акын — это не профессия, это призвание. И начнут ходить о ней легенды, в одной из которых утверждалось, что Надежда изучила казахский язык, воспитываясь в семье казахов. Это не так. Правда богаче вымысла...

Родители Нади, исколесив пол-Сибири, осели перед войной в Казахстане, где поселились на плато Ушкамыр в поселке с весенним названием Май. Тут жили казахи и русские одной дружной семьей. Отсюда вместе мужчины уходили на фронт, чтобы защитить от фашистской нечисти своих жен, матерей и детей, родной поселок Май, горы и степи, свою страну. Здесь Надя узнала, что никогда больше не увидит отца. Здесь половина женщин села остались вдовами, не дождавшись своих защитников-мужчин — и русских и казахов...

Тянь-Шань — небесные ворота * Казахские лепешки * В Алма-Атинском Дворце бракосочетаний * Подружки Шолпан Туранова и Лена Евдокимова, ученицы 3-го класса алма-атинской школы № 52 * У монумента 28 героям-панфиловцам.

В трудное послевоенное время пошла Надя в школу, единственную в их округе. Преподавание в ней велось на казахском языке, но ее это не смутило — она уже болтала немного по-казахски. Занятная это была школа. Рядом с Надей сидела за партой ее подружка Айша, а впереди — с округлившимся животом — тетя Турганак, их соседка по двору (у нее уже был один ребенок, сынишка). И так весь класс. Все хотели учиться: и дети и взрослые. Вначале Наде было, конечно, нелегко, но все ей дружно помогали постигать казахский язык — и Айша, и Турганак, и, конечно, больше всех ее первая учительница, Культай-апай. Это она внушила такую священную любовь к своей профессии, что еще в детстве Надя тоже решила стать учительницей и мечте своей не изменила...

Но до исполнения мечты было еще далеко. После окончания начальной школы стало ясно, что продолжать учебу ей придется в интернате, и она сознательно выбрала казахский интернат. Говорят, что жизнь состоит из случайностей. Может быть. На одном из школьных вечеров она случайно познакомилась с Турлыбеком Нурбековым, учеником параллельного класса. В их судьбе было много общего: он был ее ровесником, его отец также не вернулся с фронта. Они клялись в дружбе и не знали еще тогда, что через годы станут мужем и женой. Но до этого еще тоже далеко. Пока же судьбе было угодно послать Турлыбека на Дальний Восток, служить в Военно-Морском Флоте, а Надю, как в песне, «в другую сторону» — в Кзыл-Орду, где она хотела поступить в педучилище. И поступила, блестяще выдержав экзамены и поразив всех отменным знанием казахского языка...

И снова счастливый случай вмешался в ее судьбу, открыв в ней такие качества, о которых она сама не подозревала. Однажды студентам объявили, что к ним в гости придет известный поэт Аскар Токмагамбетов, классик казахской сатиры, и попросили всех, кто может, приготовить к этому дню свои собственные стихи. Впервые в жизни, неожиданно для самой себя, Надя написала стихотворение «Первый день», посвященное Ленину, и потом прочла его поэту — разумеется, на казахском языке.

— Ты, Наденька, приди ко мне со своими стихами, приди обязательно,— сказал Токмагамбетов.

— Но это у меня единственное,— растерялась она.

— Не может быть,— не поверил поэт,— приходи в редакцию газеты, мы там по средам собираемся...

— Приду,— ответила она машинально.

До ближайшей среды оставалось дня четыре, и она принялась писать стихи: о весне, о птичьем щебетании, о цветах... Впоследствии она поняла, что в них не было ни ритма, ни настоящей рифмы, ни знания традиций казахской поэзии, но тогда она гордилась тем, что исписала целую тетрадку. Токмагамбетов, листая тетрадь, чему-то улыбался, потом посерьезнел и начал объяснять Наде недостатки, время от времени черкая карандашом по строчкам. К концу беседы все листы оказались исчерканными. Надя расстроилась, рассердилась, тетрадь, придя в общежитие, в угол забросила: «Зачем приглашал, если ругал? Не стану больше писать...» Но, видно, «отрава» поэзии уже подействовала на нее. Через день она отыскала опальную тетрадь, чтобы переделать те стихи и написать новые, а в близкую среду снова была в редакции.

— Учителей в жизни не выбирают. Учителя нам посылает судьба, и я благодарна ей,— вспоминала Надежда Андреевна,— за встречу с Аскаром Токмагамбетовым, настоящим поэтом и настоящим человеком. Как много он сделал для меня! Он учил не только стихосложению, не только поэзии, не только красиво читать стихи — свои и не свои. Он учил красиво жить. Красиво — значит правильно, по совести, по-доброму. Это он первый сказал мне: «Надя, да в тебе ведь дремлет настоящий акын, надо разбудить его». А случилось это после того, как я в споре с ним (и не в первый уже раз) принялась отвечать шуточными стихотворными репликами, сочиненными тут же, на месте. «Ну-ка, возьми домбру,— сказал он,— ты ведь говорила, что на скрипке играешь, значит, и на домбре сможешь. Только не так ее надо держать, давай покажу. Домбра на айтысе — первая помощница». Он был прав.

Жить по-доброму учил ее не только поэт Аскар Токмагамбетов. Вообще ей как-то везло на хороших людей. В училище была у нее задушевная подруга Мырзай, которую она считала почти сестрой и в родном ауле которой на берегу Сырдарьи они обычно вместе проводили летние каникулы. Здесь она училась играть на домбре у старого Утегена, отца Мырзай, а мать ее Бисара знала множество легенд и сказок. Здесь открывалась Надежде сама душа казахского народа, щедрая на дружбу, веселье и труд! В очередной приезд девушек Утеген был необычно радостен и возбужден. Во дворе соседи помогали свежевать единственного Утегенова бычка. Старик готовил большой той, на который пригласил весь аул. Он решил по казахскому обычаю объявить Надежду дочерью... Так у нее появился отец. Много раз возвращалась она потом в тот аул, ставший ей родным. И когда вышла на самостоятельную дорогу, и когда побеждала на айтысах, и когда появились собственные дети.

Доброта рождается добротой. Окончив училище, она получила направление в одно из сел Кзыл-Ординской области учительницей казахского языка и литературы начальных классов. Но поработала там недолго, ее избрали секретарем райкома комсомола. Однажды, вернувшись из какой-то поездки, она увидела у себя в комнате свою бывшую ученицу Гульжан Асанову. Гульжан плакала, и ничто не могло остановить ее слез.

— Что с тобой, девочка? Урок трудный задали, что-то непонятно? Я объясню...

Урок действительно оказался трудным, но задала его сама жизнь. Мать Гули долго и тяжело болела, и вот теперь ее не стало. Девочка осталась совершенно одна. Правда, жила в другой области сестра ее матери, но у той самой было шестеро детей, и Надежда уговорила ее оставить Гульжан с ней. Написала о своем решении Тырлыбеку (служба его подходила к концу, и они решили пожениться, как только он приедет), тот в ответном письме пошутил: «Значит, я уже отец? Это прекрасно». Так и выросла Гульжан в их семье как старшая дочь.

— Где же она теперь? — спросил я.

— Окончила школу, вышла замуж, живет в городе Туркестане, у нее уже свои дети, но нас не забывает, как и мы ее...

Она молодо засмеялась и взяла домбру, коснулась струн, и началась импровизация. «Мы пассажиры в экспрессе жизни,— пела она,— так не будем брать в дорогу слишком большой груз: вещи, богатство, предметы роскоши, до которых порой так жадны люди. Возьмем в жизнь щедрую душу, отзывчивое сердце и большую любовь к людям».

...Первые петухи Узун-Агача уже возвещали о приближении рассвета, а мы все говорили: о поэзии, о роли акына в жизни народа.

— Это не просто певец нашей жизни, это трибун, общественный деятель, если хотите,— говорила Надежда Андреевна.— Посчитал бы кто-нибудь, сколько у нас в республике больших и важных дел совершено по песням акынов, сколько недостатков исправлено, пожеланий исполнено.

— Трудно выступать на айтысах?

— Судите сами. Готовясь к республиканскому айтысу, где я заняла в состязании с очень хорошим и сильным акыном Манапом Куненовым второе место, я сочинила более двухсот куплетов, а использовала лишь два десятка...

— Какой из айтысов наиболее памятен?

— Пожалуй, тот, что проходил в Чимкенте. Там я тоже вышла в финал и состязалась с местным акыном. Причем случилось так, что зал разделился на два лагеря: одна половина болела за меня, другая отдавала предпочтение моему сопернику. То был первый в моей жизни крупный айтыс. В те времена мест не присуждали, а просто вручали участникам памятные подарки, и главным призом считался красиво расшитый чапан. И вот председатель жюри писатель Абдильда Тажибаев вручает чапан моему сопернику, а мне мужские часы (не ожидали, что женщина победит). Что тут в зале началось — одни хлопают, другие свистят. Вдруг смотрю, поднимается из зала Бауржан Момыш-улы, известный казахский писатель, и кричит Тажибаеву: «Не будет брать Надежда эти часы, ей главный приз положен. Кого обижаешь? Того, кто пел, как соловей». В общем, кончилось тем, что не разрешил мне те часы взять Момыш-улы, а тут же повел в магазин вместе со своей женой и купил золотые женские часы «Заря». На крышке выгравировал: «Надежде. За твое поэтическое мастерство».

— А какой приз для вас все-таки самый главный?

— Однажды у нас проходил районный айтыс. Акынов съехалось множество, ведь Джамбулский район славится ими — это родина Джамбула. Все происходило на джайляу, под открытым небом. Выступали мы на застеленной ковром платформе грузовика. Вокруг чабаны. Порядки простые и суровые. Если очередной акын не нравился, ему просто кричали: «Уходи». И он уходил. Пришел мой черед. Волнуюсь как никогда. Пою — слушают. Еще пою — слушают. Наконец, собралась уступить место другому, кричат: «Оставайся, Надежда, еще пой». Вот эти слова — мой главный приз. В них признание народа, и пока оно есть, я буду петь...

По рецептам гестапо

Владимир МИХАЙЛОВ

Провокации, похищения, убийства — вот арсенал средств, которые использует южноафриканская охранка, расправляясь с борцами, выступающими против апартеида.

...Он быстро спустился по деревянной лестнице небольшого и далеко не нового лондонского отеля и протянул портье ключ:

— Если мне будут звонить, я вернусь ближе к вечеру.

— Хорошо, мистер Гароиб.

Мозес Гароиб, один из видных деятелей Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), вышел из отеля и махнул рукой, подзывая такси.

На втором этаже гостиницы невысокий коренастый человек проводил глазами машину, увозившую Гароиба, отошел от окна и скомандовал:

— Можно начинать. Хендрик подстрахует внизу...

Когда Мозес Гароиб вернулся, его вещи в беспорядке были разбросаны по комнате. Важные документы, имеющие отношение к деятельности СВАПО, исчезли. Прибывший инспектор Скотланд-Ярда пожал плечами: «Будем искать, но...»

...Самолет компании «Лесото эйруэйз» направлялся из столицы Мозамбика Мапуту в столицу Лесото Масеру. Среди его пассажиров был и активист Африканского национального конгресса (АНК) — патриотической организации, запрещенной в ЮАР,— Виктор Мотлу. Неожиданно резко изменилась погода, Масера не принимала, в Мапуту возвращаться было тоже нельзя. Самолет запросил вынужденную посадку в южноафриканском аэропорту Блумфонтейн. Пассажирам предложили продолжить их путь в Масеру на автобусе. Вместе с ними сели двое мужчин в штатском, тщательно разглядывавшие пассажиров и время от времени достававшие какие-то фотографии. Не доезжая до границы, они приказали водителю остановиться и подошли к Виктору. «Следуй за нами»,— раздалась команда. Когда Мотлу попытался возразить, на его руках защелкнулись наручники, а в бок уперлось дуло пистолета. Сколько ни обращались его родственники в суды ЮАР, чтобы добиться освобождения, сколько ни доказывало правительство Лесото незаконность этого ареста, ничего не помогло. Судьба патриота неизвестна.

...Машина, за рулем которой находился Джо Гкаби, представитель АНК в Зимбабве, медленно отъехала от небольшого дома в пригороде Солсбери. Негромких хлопков, раздавшихся, когда с ней поравнялся защитного цвета «лендровер», никто не услышал. Но машина Гкаби вдруг, сбавляя ход, скатилась с дороги и уперлась радиатором в столб. Стекла ее были продырявлены пулями, а Гкаби, залитый кровью, беспомощно лежал грудью на руле.

«Лендровер» обнаружили довольно скоро. В нем нашли короткую винтовку с глушителем и девять стреляных гильз.

Это лишь три преступления из сотен, за которыми стоят агенты спецслужбы ЮАР — Управления национальной безопасности.

БОССЫ ИЗ БОСС

Случайно или намеренно, но почти сразу же с момента своего образования секретная полиция ЮАР стáла именовать себя коротко и выразительно: БОСС (от сокращения английского названия Бюро государственной безопасности). Но не так давно после целой серии скандалов вокруг БОСС, чувствовавшего себя в стране боссом, его новый руководитель решил слегка изменить фасад своего зловещего ведомства. Естественно, ни целей, ни методов он менять не стал, ограничившись новым названием: ДОНС — (Управление национальной безопасности). Но и тут промашка вышла. Не учли советники главы расистской охранки, а может, и не знали, что на языке африканс, на котором говорят коренные жители ЮАР, слово «донс» означает «сильно избивать». Вот уж действительно — точнее и не придумаешь.

Рожденный в 1969 году волею тогдашнего премьер-министра ЮАР Джона Б. Форстера в дополнение к уже существовавшим полиции безопасности, отделениям разведки при армии, военно-воздушных и военно-морских силах, БОСС был сразу же поставлен в особые условия. Он подчинялся лично премьер-министру, получал задания лишь от него и перед ним же отчитывался во всем, включая и использование государственных финансовых средств.

Во главе своего нового орудия подавления Форстер поставил самого надежного человека — специального советника премьер-министра по вопросам безопасности генерал-лейтенанта Хендрика Ван ден Берга. Они не только давно и хорошо знали друг друга, но и на протяжении целого ряда лет демонстрировали идейное и духовное родство.

Оба еще в тридцатые годы состояли в военизированных штурмовых отрядах «Оссева брандваг», созданных на юге Африки по образу и подобию гитлеровских. В стране тогда у власти стояли проанглийские силы, и секретная фашистская организация «Бродербонд» («Союз братьев») готовила путч, в результате которого должно было быть свергнуто правительство и создано фашистское государство — союзник гитлеровской Германии. В Германии хорошо были осведомлены о подготовке путча, заговорщиков всячески подбадривали, оказывали им разнообразную помощь. В гитлеровской военной разведке предстоящей операции присвоили кодовое название «Вайсдорн» («Боярышник»).

Но планы мятежников провалились, и Форстер с Ван ден Бергом, как и многие другие члены «Бродербонда», были вынуждены хлебать тюремную похлебку в лагере для заключенных.

Когда же к власти пришло правительство «ультра», оба были освобождены из лагеря, оба благодаря своему положению в «Бродербонде» получили высокие правительственные посты, оба отличились в «наведении порядка» в стране, быстрыми темпами превращая ее в полицейское государство.

Высших постов добились, в буквальном смысле шагая по трупам африканцев (командовали расстрелами восставших горняков, не брезговали и сами нажимать на спусковой крючок). Итак, Форстер стал премьер-министром, а Ван ден Берг получил пост главы самого могущественного и засекреченного ведомства страны.

Полномочия Ван ден Бергу были предоставлены самые широкие. Год от года распухал штат сотрудников расистской охранки, рос ее бюджет, ширилось вмешательство в дела правительства. В конце концов БОСС получил беспрецедентную возможность разрабатывать для правительства те или иные способы решения политических вопросов, то есть фактически диктовать ему внутри- и внешнеполитический курс.

РАСИСТСКАЯ МАФИЯ

Мы уже упоминали «Бродербонд». Но, думается, о нем следует сказать несколько подробнее. Потому что без представления о размахе и силе этой организации трудно будет понять ту особую цель, которую преследовал Форстер, создавая свою, верную и подчиняющуюся только ему, тайную суперполицию.

...Летом 1918 года на стенах домов Претории, Иоганнесбурга, Кейптауна появились надписи: «Да здравствует африканерская нация!». Вместо подписи под ними стояли две буквы — «А. Б.». Так заявила о своем появлении на свет ультраправая организация южноафриканских расистов «Африканер Бродербонд».

В середине тридцатых годов структура «Бродербонда» приняла свой окончательный вид, который с незначительными изменениями сохранился до сегодняшнего дня. Высший орган состоит из 12 человек, они называют себя «апостолами». Около 12—13 тысяч членов «Бродербонда» объединены в 800 низовых ячеек, все члены которых — мужчины-африканеры, принадлежащие к голландской реформаторской церкви, которая всегда выступала защитницей системы апартеида. Члены «Бродербонда» должны быть не моложе 25 лет и отличаться «примерным поведением». За кандидатами в течение двух лет следят люди из «комитета бдительности» — своего рода внутренней охранки, которая выискивает «изменников» и карает их смертью.

Ячейки состоят из 15 человек каждая. Их члены собираются раз в месяц по ночам. Каждый год в штаб-квартиру «Бродербонда», расположенную в Окланд-парке, в самом центре Иоганнесбурга, съезжаются представители ячеек на съезд — «Бронграат» — для обсуждения политической обстановки в ЮАР, принятия решений по важнейшим организационным вопросам.

Церемония посвящения кандидатов в члены общества сопровождается длительным собеседованием и несет на себе отпечаток мистического ритуала.

После 1948 года, когда в ЮАР к власти пришла Националистическая партия — послушное орудие «Бродербонда»,— посты президента страны, премьер-министра, руководителей министерств, армии, полиции безопасности находятся в руках членов этой организации (Форстер, например, числился в секретных списках «братства» под номером 3737, нынешний премьер-министр Питер Бота — 4487).

Вернемся к БОСС-ДОНС. С большой долей уверенности специалисты предполагают, что его создание было не только санкционировано, но и разработано «Бродербондом». «Бродербонд» хотел иметь в своих руках тотальное орудие подавления, которое бы действовало быстро, решительно, не останавливаясь ни перед чем. Короче говоря, было бы легальным «комитетом бдительности». Зачем? На случай непредвиденных обстоятельств, когда какая-либо группа решила бы выступить против «Бродербонда» (а его руководители чувствовали, что времена меняются, и оппозиция набирает силу).

ЗАПЛЕЧНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Густой сетью платных агентов и осведомителей, профессиональных вскрывателей писем и подслушивателей телефонных разговоров, заплечных дел мастеров и

наемных убийц опутала ЮАР расистская охранка. Когда узнаешь подробности, возникает чувство: подобное уже было. Было в нацистской Германии. Только ту службу называли гестапо.

Специальная оперативная группа ДОНС в составе четырех отделов занимается сыском, перехватом корреспонденции, подслушиванием телефонных переговоров. Агенты охранки проникли в политические, научные, литературные, студенческие, спортивные, церковные организации и объединения. ДОНС имеет обширные досье на писателей и журналистов, редакторов и издателей газет и журналов, руководителей крупных компаний и предприятий.

Когда, например, так называемая комиссия Шлебуша расследовала деятельность ряда общественных организаций, обвиненных в «подрывных действиях против государства», ДОНС смог передать в ее распоряжение подробнейшие досье на каждую из них. В досье содержались сотни записей подслушанных телефонных разговоров, фотокопии писем, донесения шпионов. В результате были арестованы многие члены этих организаций, в том числе — руководство Национального союза южноафриканских студентов. Этот союз, объединяющий белых учащихся, был обвинен в подрывной деятельности лишь потому, что выступал за некоторое смягчение расовой политики.

От слежки не застрахованы даже члены парламента, хотя этот факт власти Претории пытаются опровергать. Когда депутат Элен Сузман обвинила охранку в том, что за ней шпионят, сам премьер-министр Питер Бота провел «расследование» и заявил, что это-де ей «померещилось». Он официально заверил депутатов и общественность страны, что ни один член парламента «не привлекает неблагоприятного внимания ДОНС». Ложь была разоблачена. В английскую печать были переданы фотокопии досье № 24596, которое вот уже целый ряд лет ДОНС ведет на Элен Сузман. Чего там только нет! Вырезки из газет, десятки фотографий, сделанных скрытой камерой, магнитофонные пленки и записи ее телефонных разговоров, сведения о ее друзьях, привычках, вкусах, самые интимные подробности собраны в этом досье.

...Не так давно произошло событие, которое можно назвать сенсационным. Из ЮАР почти одновременно бежали два агента охранки — Артур Макгивен и Александр Ламберт. Нужно, наверное, добавить, что этими двумя случаями и ограничиваются истории прозрения «рыцарей плаща и кинжала» из ЮАР.

День за днем, месяц за месяцем с тех пор, как Ламберт был завербован в Кейптауне и стал «профессионалом», открывались перед ним все новые и новые стороны его грязного, кровавого ремесла. И Александр не выдержал. Он не мог больше выполнять свою грязную «работу». Но и уйти со службы тоже не мог — такое в ДОНС не прощается.

Несколько лет ждал он удобного случая. Наконец при помощи знакомого чиновника и крупной взятки ему удалось тайно получить паспорта себе и жене и приобрести билеты на самолет иностранной авиакомпании. Лишь когда самолет поднялся в воздух, Ламберт поверил в удачу и сказал жене и шестерым детям, что они покидают ЮАР навсегда.

Где сейчас живут Ламберты — неизвестно. Ведь если ДОНС нападет на след «предателя», его и семью ждет верная смерть от рук наемных убийц. Ламберт это знает хорошо, лучше, чем кто-либо. Но сразу по прибытии в Европу он пригласил нескольких журналистов и рассказал им о методах, практикуемых ДОНС. Так мировая общественность смогла узнать некоторые подробности о деятельности расистской охранки.

Самые «невинные» из них — слежка и мелкие провокации. С магнитофоном под плащом и микрофоном, вмонтированным в наручные часы, агенты ДОНС выспрашивают учащихся о политических взглядах их учителей, а учителей — о взглядах учащихся. Проникают на различные встречи и собрания, записывают разговоры на улицах и в автобусах. Часами торчат перед церковными кафедрами, записывая на пленку выступления «либеральных» священников. Агенты, оснащенные микрофотокамерами, снимают участников митингов и демонстраций, фотографируют подозрительных и тех случайных собеседников, которые высказывали «крамольные мысли». Широко практикуется установка подслушивающей аппаратуры в домах и кабинетах тех, кого подозревают в оппозиции к расистскому режиму. Агенты выдают себя за монтеров или техников, а иногда просто, подобрав отмычки, проникают в помещение в отсутствие хозяина. Заодно и устраивают обыск.

По свидетельству Ламберта, ДОНС широко практикует «организацию доказательств» подрывной деятельности человека, которого по тем или иным причинам (иногда по доносу, чаще — из-за неосторожно сказанного слова) хотят арестовать. Если полиция не убеждена, что при обыске сможет найти улики, или, напротив, убеждена, что улик не будет, а человек достаточно респектабелен, чтобы его можно было просто так без суда и следствия бросить в камеру, в дело вступают агенты охранки. Техника все та же: в отсутствие хозяина они проникают в его квартиру, подкладывают листовки, запрещенную литературу или оружие. На следующий день следует неожиданный налет полиции, обыск и...

Особенно жестокими методы обращения становятся с теми, кого заподозрили в принадлежности к таким организациям, как Южно-Африканская коммунистическая партия (ЮАКП), Африканский национальный Конгресс (АНК) или действующая на территории оккупированной ЮАР Намибии Народная организация Юго-Западной Африки.

Прибыв на нескольких машинах, с овчарками, полицейские окружают дом и врываются в него, вышибая дверь. Пока обитатели дома лежат на полу под направленными в затылки дулами автоматов, полиция и агенты ДОНС переворачивают все вверх дном, тщательно обшаривая жилище. Затем арестованным приказывают раздеться до нижнего белья, сковывают наручниками, заклеивают глаза липкой лентой и бросают лицом вниз на металлическое днище полицейского фургона.

В тюрьме их содержат в одиночных камерах, дают лишь жидкий суп и чай, куда подмешаны вещества, ослабляющие организм и подавляющие волю. Через несколько дней начинаются допросы. Если заключенный отказывается говорить или дает информацию, которая следователям кажется неполной или ложной, допросы становятся «интенсивными».

Что это значит? Подозреваемого, держа за руки и ноги, раскачивают и ударяют о стену. В течение долгого времени его избивают громилы в специальных перчатках, на которые иногда нашивают кожу акулы. Даже от легкого прикосновения такой перчатки кожа на теле человека ссаживается до крови. Бьют резиновыми шлангами и плетьми из кожи носорога. Кладут заключенному на живот доску и раскачиваются на ней, как на качелях. Вставляют между пальцами карандаши и, схватив за руку, бьют об стол так, что карандаши ломаются. Подвешивают за руки, топят в грязной и мыльной воде...

Рассказал А. Ламберт и о том, как в застенках «умирают естественной смертью» (такая формулировка обычно применяется, если заключенный погибает от пыток или его хотят «убрать»). Вот его свидетельство: «Сначала они (агенты ДОНС.— В. М.) вырывают нужные сведения. Потом им надо избавиться от заключенных, чтобы на суде те не сказали, как было получено признание. Они добиваются этого кулаками и словами, избивая и крича: «Твоя жизнь кончена, ублюдок! Прыгай быстро, пришел твой конец! Прыгай же из окна, упрямый осел!» Многие в отчаянии действительно прыгают. Тут есть и хладнокровный расчет: один убитый делает других более сговорчивыми».

Александр Ламберт много говорил о том, с какой предельной жестокостью действуют агенты ДОНС и полиция в оккупированной расистами Намибии. Для ареста им не нужно даже формального повода. «Подозрительных» хватают прямо на улице, в кафе, на дороге. Затем чаще всего доставляют в ЮАР. Ламберт присутствовал при «допросе» человека, которого подозревали в том, что он — член военных отрядов СВАПО. Его привезли на армейскую базу недалеко от Дурбана. Требовались показания, а первоначальная «обработка» ничего не дала.

Палачи связали патриоту ноги кожаными ремнями и, бросив в вертолет, прикрепили к канату метров двадцать длиной. Потом вертолет поднялся на высоту около тысячи метров. «Я видел,— рассказывал Ламберт,— как они вытолкнули его из вертолета. Когда он пролетел метров пятнадцать, канат натянулся и падение остановилось. Его снова втянули в вертолет».

Так продолжалось несколько раз. Затем вертолет скрылся из виду. Через полчаса он вернулся, но арестованного там уже не было. «Где он?» — спросил Ламберт. Один из солдат лишь молча показал на горы.

Заброшенные золотые рудники стали могилами для заключенных, погибших во время допросов в Дурбане и Питермарицбурге. Но у палачей есть и другие тайные места захоронения. Родственникам замученного в таких случаях сообщают, что он «бежал». Для большего правдоподобия в его доме устраивается тщательный обыск. Если же человек был арестован без свидетелей, то он навсегда пропадает без вести.

...«Я согласен на любую работу,— говорил журналистам бывший агент ДОНС,— если только это честная и чистая работа. Я буду подметать улицы. Моя прежняя жизнь — словно испачканная в крови рубашка. Я выбросил ее в мусорный ящик».

Не помогли гитлеровским палачам их ухищрения, все попытки скрыть следы преступлений. Были найдены и свидетели, и вещественные доказательства, и места захоронений патриотов. И был потом Суд Народов. Об этом не следует забывать фашистам, окопавшимся на Юге Африки. Грядет час освобождения, и африканские народы по всей строгости спросят со своих угнетателей. Но строже всего — с их охранников и ищеек, взявших на вооружение гестаповские методы.

ПРОТИВ СВОБОДНОЙ АФРИКИ

Журнал «Нью африкен», издающийся в Лондоне, недавно назвал ДОНС одной из главных дестабилизирующих сил в Африке. Нанесение ударов по национально-освободительным движениям, отмечал журнал, всегда было и остается первоочередной целью ЮАР. И ведущую роль в этом всегда играли агенты ДОНС. Опорными пунктами для подрывных операций против независимых африканских государств служили такие страны, как Малави, Центрально-Африканская Республика, Коморские острова. Они, в частности, предоставили Претории базы для полетов южноафриканской разведывательной авиации над континентом.

В борьбе против национально-освободительных движений ДОНС тесно сотрудничала и сотрудничает с американским ЦРУ. США передали ЮАР аэрофотоснимки объектов на территории «прифронтовых» государств и лагерей освободительных движений. В свою очередь, ДОНС оказала неоценимые услуги ЦРУ для проведения тайных операций и сбора информации — от помощи в подготовке армий наемников до слежения за передвижениями советских судов вокруг мыса Доброй Надежды и в Индийском океане.

Важным направлением деятельности южноафриканской охранки были и остаются подрывные операции. Когда, например, португальские колонизаторы покинули Анголу, реакционная группировка УНИТА, с которой они тесно сотрудничали, перешла под опеку ЮАР. Претория использует марионеток для сбора разведывательных сведений о вооруженных силах Анголы и отрядах СВАПО, для проведения актов террора и диверсий.

В Малави южноафриканские инструкторы натаскивают остатки банд португальских фашистов. Эти диверсанты используются для подрывных операций против Мозамбика. Правительство Малави снабдило агентов ДОНС дипломатическими паспортами и предоставило им убежища в своих посольствах за границей. Тем самым оно дало им возможность шпионить за представителями национально-освободительных движений в Замбии, Танзании и Мозамбике.

Как мы уже упоминали, наставником и старшим партнером ДОНС является ЦРУ. Американское разведуправление и южноафриканская охранка заключили между собой секретное соглашение о взаимном обмене информацией и координации действий в целях «борьбы с коммунизмом».

Весьма яркой иллюстрацией к тому, как реализуется это соглашение, может стать последний по времени факт: разоблачение целой сети шпионов ЦРУ, орудовавших на территории Мозамбика, и их связей с ДОНС, которые вскрылись в ходе следствия.

...В 2 часа ночи пригород мозамбикской столицы Матолу разбудила автоматная пальба и взрывы гранат. Послышались стоны раненых. Завывая сиренами, к месту стрельбы помчались машины с подразделениями Народных сил освобождения Мозамбика. Завязалась перестрелка.

Так было совершено еще одно кровавое преступление режима ЮАР — налет десантников на лагерь южноафриканских беженцев в Мозамбике. Убито тринадцать человек, многие ранены. Налетчики, получив отпор подразделений Народных сил освобождения Мозамбика, в панике бежали, бросив оружие и снаряжение и унося тела поплатившихся за бандитский налет. На месте схватки остался лишь один труп наемника, англичанина. На его каске была намалевана свастика и надпись «Зиг хайль».

Все сработано по рецептам гестапо.

Лев ФИЛАТОВ

ФУТБОЛ: ПРОСТО ИЛИ СЛОЖНО?

Перед началом больших турниров наступает затишье. Вот и сейчас, в канун футбольного чемпионата мира, из волнующей непознаваемости ситуации выжато все, что можно. На все лады обсуждена жеребьевка. В поисках аналогий и математических закономерностей подняты архивы. Выслушаны авторитеты, безбоязненность суждений которых объяснима безнаказанностью,—когда все кончится, никто ведь не только не привлечет их к ответу за ошибочный прогноз, но даже и не вспомнит, что́ именно они изрекали. И тех, кто заранее угадает чемпионов, не ждет слава оракула: после финального матча кругом оказывается сколько угодно людей, с нарочитой небрежностью утверждающих, что они прекрасно знали, какова будет развязка.

Не слишком тешат публику и товарищеские матчи команд, собирающихся на чемпионат,— пусть они идут открыто, эти репетиции, но надо быть простаком, чтобы из увиденного делать далеко идущие выводы. Такие матчи — знак того, что дело продвигается своим чередом, что ведется последний отбор игроков, уточняются тактические тонкости, словом, это что-то вроде стука ножей на кухне перед тем, как начнут накрывать на стол.

Но в силах ли мы, даже если нас снабдили предварительной информацией, если исчерпаны все варианты возможной расстановки сил, выкинуть из головы футбол до 13 июня, до первой телетрансляции из Барселоны, где в матче открытия чемпионы мира, аргентинцы, встретятся с бельгийцами?! Затишье этих дней вынужденное. Что поделаешь, надо набраться терпения, чемпионаты мира — события редкостные, нынешний имеет всего-то двенадцатый порядковый номер, а от самого первого его отделяет, шутка ли сказать, более полустолетия! И, может быть, в нашей готовности ждать более всего проявляется уважение к этому смотру сил мирового футбола, от которого, как мы хорошо знаем из прошлого, во многом зависят пути и судьбы игры, любимой в ста пятидесяти странах.

В наше время, когда в большой чести точность, уж какими только цифрами не иллюстрируют футбол. Не знаю, как это вычислено, но информационные агентства как о непреложном факте сообщают, что матчи чемпионата в Испании будут смотреть миллиард триста миллионов зрителей. Хотя мы издавна привычно толкуем о безмерной популярности футбола, все же десятизначное число производит впечатление.

Примем же это число на веру. И сразу же нам станет ясно, что значение футбола выходит далеко за спортивные рамки. Представьте: на протяжении месяца значительная часть человечества будет поглощена одним зрелищем, переживет сполна его драматизм, восхитится совершенством лучших образцов игры, мужественной красотой атлетических композиций, отвергнет все уродливое и нечестное, что промелькнет на экране. И как результат (я был тому свидетелем на пяти прошлых чемпионатах) у людей появится потребность в обмене впечатлениями, и разноязычие нисколько им не помешает, ибо футбольные эмоции не требуют перевода.

Можно ли считать разгаданным эффект пристрастия людей к футболу? Многие ломали голову над этой интереснейшей загадкой. Общими усилиями накоплено немало предположений. Не думаю, что требуется какая-либо исчерпывающая формулировка, не ровен час она покажется нам школярской, скучной и упрощенной. Но, уверен, поиск новых граней нашего отношения к игре будет и дальше манить и привлекать. И в ходе этого поиска мы научимся шире и вернее оценивать сам футбол и лучше понимать самих себя в облике его болельщика.

Когда-то бразильский тренер Феола, давая интервью журналистам, настойчиво повторял: «Футбол очень прост». Слова эти вызывали у многих недоверие и усмешку: «Легко ему так говорить, когда в его команде одни звезды во главе с Пеле».

Феолы, возглавлявшего сборную Бразилии, чемпиона мира 1958 года, с именем которого связывают появление системы игры с четырьмя защитниками, действующей и поныне, уже нет в живых, а его парадоксальные слова то и дело всплывают в памяти. И поводом для этого становятся пространные высказывания иных современных тренеров, суть которых можно свести к прямо противоположному суждению: «Футбол очень сложен».

Мне кажется, что искать здесь противоречия нет никакой необходимости. Просто-напросто мы сталкиваемся с разным видением футбола.

Было бы нелепо заподозрить Феолу в недооценке хотя бы одного из многих слагаемых, из которых складывается футбольное дело. Известно, что его, кроме новаторства в тактической области, отличало подчеркнутое внимание к физической подготовке (в штате команды был специальный педагог по этому предмету), медицинскому и психологическому обеспечению (доктор Гослинг, успешно работавший в команде, стал примером для подражания), к бытовым условиям (бразильцы в своей кочевой турнирной жизни всегда проявляли необычайную предусмотрительность к любым мелочам).

Если бы Феола имел в виду все эти стороны деятельности, не исключено, что он тоже объявил бы футбол очень сложным. Но он говорил о другом — о футболе как об игре, появляющейся уже в готовом виде на суд зрителей, которых закулисная, репетиционная жизнь команды не может и не должна касаться. С этого момента начинается спектакль, и героями становятся футболисты. И тут-то и возникает ощущение простоты, легкости и естественности всего происходящего на поле. В том случае, конечно, если футболисты—мастера, знающие свое дело, которым в радость действовать сообща.

Недавно я прочитал высказывание Нодара Ахалкаци, старшего тренера тбилисского «Динамо». Он признался, что, если игроки его команды сотворят на поле нечто оригинальное, не предусмотренное, ему бывает чуть грустно, ибо это случилось помимо его воли, но и радостно, как свидетельство их зрелости и самостоятельности. Как же это верно! Потому, надо полагать, и имеет успех у зрителей (да и в турнирах) тбилисское «Динамо», что режиссура его игры совмещает обязательное с импровизацией.

Не хочу представить тбилисскую команду эталоном. И у нее бывают срывы, как недавно в матчах с бельгийским «Стандардом», но ее подход к футболу перспективен. Импровизация в футболе вовсе не техническое понятие, не набор каких-то особых приемов. Она непременно смелость, риск, темперамент, фантазия. Тренер опасливый, погрязший в расчетах, тот, для которого футбол очень сложен, побаивается «отсебятины», для него превыше всего буква партитуры. Не раз, сидя на предматчевых собраниях, именуемых установками, я видел, как сводило скулы от зевоты у игроков, старательно делающих вид, что они внимают наставлениям тренеров, состоящим преимущественно из разного рода запретов. Маются обычно футболисты наиболее одаренные, знающие, что в решающее мгновение им все равно придется сыграть наперекор шаблону, но как именно — неизвестно ни им, ни тренеру, там, на поле, подскажут обстоятельства и интуиция.

Приходилось мне встречать тренеров, которые на протяжении полутора часов матча беспрерывно выкрикивают одно и то же слово: «Назад!» Хорошо еще, что это повеление игроки не слышат из-за дальности расстояния. Это одна из любопытнейших странностей футбола: многие люди, им руководящие, вольностей, экспромтов, «неправильностей» побаиваются, зная в то же время, что эти вольности только и способны сделать игру неординарной, восхитить зрителей.

Знаю, что затрагиваю вопрос острый и

спорный, и без оговорки не обойтись. Да, для того, чтобы обеспечить классный футбол, необходимо много знать и много работать. Выразимся еще определеннее: с годами — таково веление прогресса, в русле которого находится и футбол,— прибывают и специальные знания и количество затраченного труда, и это требует нашего понимания и уважения. Существуют и нерушимые законы игры, пренебрежение которыми никогда не позволит одиннадцати футболистам сплотиться в команду. Однако мыслимое ли дело, чтобы миллиард и триста миллионов людей приникли к телеэкранам, желая удостовериться, скажем, в правильности той или иной тренировочной программы, или ради подсчета числа технико-тактических действий, совершаемых игроками?!

Между тем нередко можно наблюдать, как достаточно образованные молодые тренеры, с головой уходя в служебную подоплеку футбола, забывают о его предназначении. В добросовестности им не откажешь, а игра их команд, расписанная наперед, не берет за душу, стадион им отвечает рассеянным молчанием, а то и прочерками пустующих скамеек. Таким тренерам, полагающим, что игра подобна чертежу на ватмане и решается, как теорема об одиннадцати движущихся фигурках, футбол, конечно же, представляется «очень сложным».

Что же влечет людей к футбольному зрелищу? Ответ дает сам стадион. Прислушайтесь к его громовым откликам, они неизменны, проверены не одним десятилетием, тысячами матчей. Стадион щедро поощряет искусство игры, все красивое, из ряда вон выходящее, сотворенное либо одним, либо несколькими в дружном единении. Он чуток к драматизму, очевидному и внутреннему, только угадываемому, его увлекает нешуточность разворачивающейся борьбы, он забывает про условность происходящего, для него все всерьез, как в жизни. Ему, наконец, интересны те, кто действует на зеленом поле, одних он любит, к другим безразличен, а кого-то не жалует. Для него футбол — игра людей, он то сочувствует, то жалеет, то казнит, все футболисты — его близкие знакомые, а среди них он выделяет героев, чье призвание — творить чудеса и подвиги.

И такой футбол в самом деле «очень прост», его-то, я думаю, и имел в виду Феола, тем более что команда, им руководимая, отвечала всем требованиям зрителей. Прост, разумеется, в высоком значении этого слова. Средства, обеспечивающие такую игру, невидимы, скрыты, а в поле зрения остаются мастерство приемов, самовыражение игроков, характеры, личности, футбольное братство. И неспроста Феола отличался прямотаки влюбленностью в своих игроков, верой, что они проявят себя на поле лучшим образом.

Убежден, что погоду на поле делают увлеченные и простодушные люди. Не забудем, что все мастера футбола явились из детства, в нем они зачерпнули на всю жизнь радость игры. Много лет по праву журналиста вхож я в мир футбола. Что-то в нем меняется, а одна сценка постоянна. Ранняя весна, стадион в Сочи, скамеечка на солнышке и блаженно посиживающие, солидные, грузные, седые мужчины. Все они знаменитости, некогда блиставшие на футбольных полях, а сейчас кто тренер, кто аппаратный работник, кто инспектор-общественник. Все труженики, хлопотуны, люди сведущие, готовые, если надо, осветить любую проблему. И вот сошлась старая гвардия в свободный часок. О чем же промеж них речь? Они не теоретизируют, не дискутируют, они просто предаются воспоминаниям, соблюдая очередь. И особо ценится все забавное.

— Играли мы в сорок седьмом в Ленинграде. Помните, защитничек был левый. Добряк парень, мы с ним дружили. Так вот, стоим мы с ним, ждем, когда угловой подадут. Он меня сторожит. А я возьми и брякни: «Как поживаешь-то?» Только он собрался ответить, а тут мяч прямо на нас летит. Я выскочил и гол забил. Так он после этого со мной не разговаривал, пока мы оба играть не закончили. Все думал, что я его обманул. А я просто так спросил, по-честному. Насилу помирились.

В своей репортерской молодости я готов был часами внимать этим немудреным, милым россказням, которых ни в одной книге не прочитаешь. Потом, обуреваемый служебным рвением, бывало, раздражался, что люди, нужные мне для делового разговора, не торопятся покинуть солнечную скамейку: «Ладно, чего там, посидите со стариками, никуда интервью не денется!» И только позже мне открылось, что в каждом истинном мастере до конца дней, как бы он ни важничал и ни серьезничал, живет озорной, хитрый мальчишка, тот, которого когда-то невозможно было за уши оттащить от ненаглядного мяча. Открылось и то, что футбольная игра в чем-то очень существенном должна сохранять изначальную непосредственность, что она требует от своих героев простодушия.

И когда я вспоминаю, что́ мне в разное время доводилось при встречах выслушивать от Алексея Хомича, Альберта Шестернева, Валерия Воронина, Льва Яшина, Валентина Николаева, Никиты Симоняна, Михаила Месхи, Галимзяна Хусаинова, Евгения Ловчева, Эдуарда Малофеева, то, зная, что и люди они разные и разных событий были участниками, готов поручиться, что все ими говоренное о футболе легко сложилось бы в повесть одного автора, имя которому — Игрок.

Бывают удивительные совпадения. Отвлекшись от этой статьи, я включил телевизор. Шла передача «Что? Где? Когда?». И вдруг были приведены слова В. Мейерхольда: «Режиссер— это идеальный зритель».

Ну, конечно же, в самую точку! Разве не должен быть идеальным зрителем и тренер, ставящий игру своей команды!

Разговор на эту тему отнюдь не отвлеченного характера. Лучшие команды, оставшиеся в памяти, вошедшие в историю мирового футбола, одерживавшие громкие победы, как правило, имели успех у зрителей, хорошо смотрелись и спортивную правоту свою доказывали с помощью аргументов, эффектных, красивых, своеобразных, с помощью предельного самовыражения каждого и всех вместе. Так что умение захватить, увлечь зрителя своей игрой, если разобраться, смыкается, совпадает с задачей, которую обычно формулируют прозаически — «создать команду высокого класса». Если же футбол мыслится не как игра, а только как занятие, как работа, должная любым способом обеспечить необходимое количество турнирных очков, то и возникают команды, повторяющие друг друга, на одно лицо, среднего достоинства, каких много. По этой причине регулярно половина клубов нашей высшей лиги только тем и озабочена, как бы в ней уцелеть.

Чемпионаты мира в этом отношении дают нам ясные, недвусмысленные примеры. Один из наиболее ярких — взлет сборной Голландии в семидесятых годах, который, как мне кажется, должным образом не изучен и не оценен. Она играла на двух чемпионатах подряд (1974 и 1978 годов) настолько убедительно и сильно, что у всех создалось впечатление, будто она, именно такая, существовала всегда. Однако в шести послевоенных чемпионатах сборной Голландии не было, ее знали как второстепенную, даже провинциальную. Сначала заявили о себе клубы этой страны, прежде всего «Аякс», а некоторое время спустя всемирная футбольная аудитория ахнула, увидев на стадионах ФРГ команду в оранжевых рубашках, которую немедленно — это близко лежало — окрестили «летучими голландцами». Произвело впечатление даже не то, что она с места в карьер отвоевала второе призовое место, а четыре года спустя, в Аргентине, повторила это достижение. Восхитила ее игра, своя собственная, получившая наименование тотальной, принцип которой — участие максимального числа игроков как в обороне, так и в атаке — тут же был объявлен генеральным и стал объектом для всеобщего подражания.

Должен признаться, что толком не знаю, как голландцы подготовили и проложили себе триумфальный маршрут, как нашли и развили свой характерный игровой стиль. Для того, чтобы понять достоинства и уязвимые места той или иной национальной сборной, необходимо поближе познакомиться с футболом в масштабе страны, с его буднями, с командами детскими и клубными разных лиг, с болельщиками и прессой. Но как бы то ни было, несомненно, что голландцы явились перед футбольным миром не просто сильной командой, которую полагается уважать, а с новым словом, с игрой оригинального толка. И даже то, что их взлет оборван и «оранжевых» мы не увидим на чемпионате в Испании, нисколько не умаляет всего того, что они преподнесли в дар мировому футболу.

Не менее интересен и крутой поворот, предпринятый четыре года назад аргентинцами. До этого на протяжении многих лет они — и игроки и болельщики — тешили свое самолюбие тем, что их страна принадлежит к числу «великих футбольных держав». Однако чемпионаты мира этого не подтверждали, лишь однажды, в далеком 1930 году, сборная Аргентины заняла второе место. За аргентинцами укрепилась репутация игроков одаренных, техничных, способных блистать в одиночку, которым, однако, не ведомы законы футбольного коллективизма, и из-за этого они обречены на вторые роли, какого бы высокого мнения они ни были о своих талантах. Но тут возник стимул — чемпионат мира на родных стадионах, оплошать было невозможно, и аргентинская сборная, отбросив традиции, условности, самомнение, приняла все условия большого футбола нашего времени и стала неузнаваемой: единой, быстрой, неутомимой, разумной, а на этом фоне еще ярче заблистали ловкость и артистизм игроков. Они предъявили игру высокого класса и логично сделались чемпионами мира.

Претензии любой команды на высокое положение, если игра ее лишена своеобразия, если она не защищает выношенную игровую идею, а значит, ничего не имеет за душой, рано или поздно опровергаются. Еще свеж в памяти горький опыт нашей сборной на последних чемпионатах мира и Европы. Она не прочь была побеждать, но игры не имела. Прошлой осенью мы все порадовались за нее: в отборочном турнире к испанской фиесте она пришла к первому месту с интересно организованной, складной, зрячей игрой. Поиск тренеров принес результат. Назовем его эскизом, обещанием. Футбол проверяется не просто в сравнении, а в конкуренции. На чемпионатах мира она сурова, как нигде. А сейчас, в дни затишья, хотя мы и условились, что любители футбола уже снабжены информацией, все же приведу коротенькие справки, которые могут дать исходные данные ожидающих наших футболистов матчей. Вдруг не все известно?

Сборная Бразилии (14 июня, Севилья), мало того, что трехкратный чемпион мира, держит и другие рекорды: она единственная участвовала во всех одиннадцати чемпионатах и, естественно, провела наибольшее число матчей — 52 (33 победы, 10 ничьих, 9 поражений, разность мячей 119—56).

Сборная Новой Зеландии (19 июня, Малага) не имеет пока истории, неведомо и ее будущее.

Сборная Шотландии (22 июня, Малага) была на четырех чемпионатах, но ни разу не прошла дальше первого круга. Сыграла 11 матчей (2 победы, 4 ничьих, 5 поражений, 12—21). Чтобы не создалось неверного представления о ее силе, напомню, что в Аргентине она победила голландцев — 3:2.

Ну, а сборная СССР, как и шотландская, выезжала на четыре чемпионата. У нее 19 матчей (10 побед, 3 ничьих, 6 поражений, 30—21), она трижды выходила во второй круг, а один раз (1966) заняла четвертое место.

Чемпионаты мира — редкостные события не только в календаре, но и в судьбе команд, в жизни футболистов. Мировой рекорд держит форвард сборной ФРГ Уве Зеелер — 21 матч в четырех чемпионатах. Среди советских игроков вратарь Лев Яшин — 13 матчей в трех чемпионатах. Эти данные не просто любопытны. Сопоставьте: мастера за свою жизнь проводят по тысяче игр, а на чемпионатах мира им может посчастливиться выйти на поле считанное число раз. Для футболиста это большая честь. В нашей нынешней сборной еще никто не играл на чемпионатах мира.

Я назвал первых трех уже известных соперников нашей сборной. Мы, разумеется, надеемся, что она после этого встретится и с неизвестными нам сегодня командами во втором круге и право на это приобретет с помощью хорошей игры. Такая игра — единственная гарантия на чемпионате мира. Потому мне и показалось уместным эти заметки посвятить футболу и простому и сложному.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три черепахи

ГЛАВА XI

«БЕРЕМ ЧИСТОГО»

2

— Это значит, она, девятая? — крикнул Басков вниз, будто бы какому напарнику.

Квартира № 9 была тоже на третьем этаже, но в соседнем подъезде, встык с квартирой второго подъезда, но не с № 23, а с № 22.

— Бьем, значит? — снова крикнул Басков.

Но тут тюлевая занавеска чуть откинулась, и Басков увидел Чистого. Лицо опухшее, искаженное многодневной пьянкой, но Басков его узнал. Спутать невозможно, хотя на тюремных карточках Чистого запечатлевали трезвым.

— Извини, друг, тут в девятой мужик дверь захлопнул, а ключи забыл,— сказал Басков в открытую форточку и махнул рукой водителю. Тот сдал машину на метр назад и опустил корзину вниз.

Басков начал с этого момента слышать стук собственного сердца.

левом боку. «Касательное»,— мелькнуло в голове, а Коротков, схватив его за плечо, оттащил от двери к простенку.

Басков крикнул:

— Чистый, сдавайся!

— Куда тебя? — спросил Коротков.

Басков разогнулся, выпрямился во весь рост, расстегнул пуговицу пиджака, выпростал из-под брюк рубаху и майку. На левом боку, пальца на три пониже соска, кровоточила длинная рана — словно Басков ободрался о сук.

— Я ж говорю — касательное.— Басков об этом не говорил, а только подумал, но сейчас было не до того. Он заправил рубаху и майку, и тут они услышали звон разбитого стекла и еще один хлопок, погромче первого. Значит, Фокин проник в квартиру и успел выстрелить.

Еще один хлопок — Чистый стрелял. И голос Фокина:

— Он в комнате справа от вас.

— Давай! — обернулся Басков к Короткову.

Коротков поддел ломиком дверь у самого замка, нажал — дверь открылась. Чистый справа выстрелил дважды через комнатную дверь. Две дырки, на метр от пола, брызнули какой-то трухой, и дважды истерически взвизгнули в противоположной комнате срикошетировавшие пули.

Басков проскочил в кухню, следом — Коротков и Шилов. Коротков тоже уже держал в руке пистолет.

— Сергей,— сказал Басков Фокину,— ты оставайся там.

— Хорошо,— откликнулся Фокин, стоявший за косяком в той комнате, куда улетели пули.

просто. Вышибли дверь и пошли на озверевшего охотника. Коротков нес перед собою пуленепробиваемый щит, а Басков у него за спиной — с пистолетом в руке, чтобы, выбрав миг, выстрелить наверняка. Но стрелять не пришлось. Охотник шарахнул из обоих стволов разом — Коротков еле на ногах устоял от удара дроби в щит, а низкий закопченный потолок покрылся свинцовыми брызгами. Перезарядить ружье охотник, конечно, не успел...

— Тут не охотничек, Ваня,— после недолгого молчания буркнул Басков.

— А какая разница?

— Не скажи. У Чистого еще пять патронов.

В комнате, где был Чистый, что-то загремело. Коротков тронул Баскова за плечо.

— Смотри-ка.

Басков взглянул туда, куда глядел ствол Иванова пистолета. На полке над вешалкой в коридорчике покоилась, как отрезанная, женская голова. Лицо розовое, алые губки бантиком и глупые голубые эмалевые глаза. И на голове лиловая шляпка с узенькими полями. Басков не сразу сообразил, что это муляж.

— Ну и что? — спросил он Короткова.

— Покажем ему. Дверь ногой нараспашку, я сверху сую эту головку, ты стреляешь. А хочешь — наоборот.

— Он на эту рожу насмотрелся уже.

— Не разберется.

— Не будем, Ваня. Давай проще,— тихо сказал Басков, а добавил громче: — Фокин, как свистну, стреляй три раза по двери, и за нами.— И опять тихо, уже Шилову: — А ты открой в кухне окно и наблюдай.— Басков подвинулся ближе к закрытой двери.— Жалко,

Выхватить бы из-под мышки «Макарова», всадить девятимиллиметровую пулю в правое плечо — и вся недолга... Мог бы, да нельзя. Может, у Чистого давно и нет того пистолета, выбросил где-нибудь в речку. Ему, Баскову, первому в таких неопределенных обстоятельствах стрелять не положено.

Уловка на этом была исчерпана. Бить стекла в квартире № 9 Басков не собирался.

Он вылез из корзины, Фокин занял его место, успев шепнуть:

— На месте?

Басков кивнул и тихо сказал:

— Услышишь стрельбу — лезь в комнату... И по обстановочке...

Басков обогнул дом, вошел в подъезд, поднялся на третий этаж, где в простенке между дверьми стояли Коротков и Шилов. Коротков держал в руке короткий ломик — фомку.

На двери квартиры № 23, обитой черным дерматином, поблескивал выпученный, как у страдающего базедовой болезнью, глазок Ни к чему был сейчас этот глазок...

Басков подмигнул Короткову и заметно побледневшему Шилову и попробовал открыть дверь ключом. Она не открывалась. Тогда он нажал кнопку звонка и присел на корточки,— это была непростительная ошибка. Он тут же, ровно в один миг, услышал глухой хлопок, увидел возникшую вдруг в черном дерматине дверной обивки маленькую дырочку на уровне своей груди, чуть левее, и ощутил ожог на

После двух последних выстрелов Чистого уши немного заложило, и Баскову казалось, что он говорит слишком тихо, а на самом деле он крикнул в полный голос, когда вновь обратился к Чистому:

— Последний раз предлагаю: сдавайся, Чистый! У тебя пять патронов, а нас тут много.

— А этого не хотел? — крикнул из-за двери Чистый. Судя по голосу, он был пьян.

Басков поглядел на Короткова.

— Прения затягиваются, Ваня. Что делать будем?

— Может, Фокину подвинуться в люльке к тому окошку?

— Чистый по нему палить начнет. Зачем подставляться?

— Верно.— Коротков по своей привычке прицокнул языком, подумал и спросил: — А охотничка помнишь?

— Ну?

Это была первая их с Коротковым совместная операция. Вернувшийся с удачной охоты и совершенно обезумевший от выпитого житель одного пригородного поселка открыл огонь из двустволки по соседнему дому, где жили люди, которых он почему-то считал своими недоброжелателями. Ранил старуху и малолетнего парнишку. Счастье еще, что дробь была мелкая, шестой номер. Когда пришел участковый, охотник забаррикадировался в бывшей котельной и в ответ на увещевания грозил, что изрешетит всякого, кто посмеет сунуться в дверь. Посланные на место происшествия Басков и Коротков поступили тогда

знать бы, как там мебель стоит... Ну ладно, начнем, Иван.

Басков тонко свистнул. Трижды грохнул пистолет Фокина. Басков пнул ногой дверь комнаты и плашмя упал на пол. Коротков метнулся за стоявший слева шкаф. Басков не ожидал увидеть того, что увидел: Чистый, пригнувшись, враскоряку, стоял на подоконнике, в проеме распахнутого окна, спиной к ним, готовый прыгнуть вниз. Все это была секунда, может, полсекунды. Басков, приподнявшись на левой руке, вскинул пистолет и выстрелил — в правое плечо. Чистого словно сдуло с подоконника, а снизу, с улицы, донесся протяжный звериный вой...

Басков увидел валявшийся на полу под окном расколовшийся горшок и черный ком земли с торчавшим из него кустиком аспарагуса, и с уже ненужной догадкой подумал, что это горшок загремел, когда Чистый открывал окно...

Они с Коротковым вместе перегнулись через подоконник, поглядели вниз. Чистый лежал на траве, лицом в небо и монотонно скулил. На запястьях у него были наручники. Над ним стояли лейтенант и сержант из ПМГ.

— Отпрыгался,— сказал Коротков.

— Шилов! — позвал Басков.

Марат пришел из кухни. Следом без зова явился Фокин.

— Ты, Шилов, останься,. организуй тут... Замок, дверь... И вообще приборочку...— Басков оглянулся, словно ища, не забыл ли чего.— А мы поедем.

Окончание. См. «Огонек» №№ 12—22.

— Слушаюсь, товарищ майор! — крикнул Марат.

— Да тише ты.— Басков поморщился.— И так шуму подняли. На́ ключи, отвезешь Тарасовой, она ждет.

— И дырок понаделали — сквозняк будет, хозяйка простудится,— подначил Коротков.

Они втроем вышли на лестницу, и на площадке между третьим и вторым этажами Коротков что-то поднял, повертел в пальцах.

— Гляди-ка, твоя,— сказал он, протягивая Баскову желтовато-серый цилиндрик с закругленным и слегка сплющенным мыском. Это была пуля от ТТ.

Басков опустил ее в карман пиджака и тут только ощутил, как саднит бок.

Спустившись и обойдя дом, они увидели все три легковые, на которых сюда прибыли. Ремонтная летучка уже уехала.

Врач осматривал обнаженное плечо Чистого. Потом, открыв свой чемоданчик, достал шприц, ампулы и сделал ему укол в руку.

— Ну как? — спросил Басков.

— Сквозное,— ответил врач, бинтуя Чистому плечевой сустав.— Плечевая кость раздроблена в верхней трети.

— А что упал, ничего?

— Кажется, без последствий.

— Большой везун,— заметил Коротков.— Ему бы в «Спортлото» играть.

Чистый все скулил, лежа с закрытыми глазами.

— Давайте его в машину, а то простудится,— в тон Короткову сказал Басков.— «Скорую» не вызывали?

— Нет.

— Ну и хорошо. Поехали.

Фокин и Коротков подхватили Чистого и усадили на заднее сиденье «Волги» между собою. Врач хотел сесть на переднее сиденье в ту же машину, но Коротков остановил его:

— Там майора царапнуло малость. Вы бы, как мастер своего дела...

— Понял,— перебил его врач и сел во вторую «Волгу», рядом с Басковым.

Он осмотрел Баскова и сказал:

— Счастливый случай.

Рана уже не кровоточила. Врач смазал ее йодом, достал из чемодана шприц в стерильном чехольчике.

— А это чего? — Басков покосился на шприц. Он терпеть не мог уколов, малодушно оправдывая себя популярным соображением: «А кто их любит?»

— Противостолбнячное и антигангренозное,— объяснил врач.

Сделав укол, врач пообещал:

— Сегодня через три часа — еще один противостолбнячный, а потом еще.

— А может, не надо?

— Непременно надо.

Басков посмотрел на часы. Было без десяти пять. С Колобовского они выехали в половине четвертого, значит, на все про все ушло час двадцать. Восемьдесят минут. А ему казалось, что перестрелка в квартире № 23 происходила во сне, который снился ему ну не менее как неделю назад.

— Трогай, Юра,— сказал Басков шоферу и взглянул на дом.

Из открытых окон деликатно выглядывали лица жильцов. Басков непроизвольно остановил внимание на одном из них — аскетическом лице бритого старика. Оно еще хранило выражение только что пережитого острого удовольствия, и Баскову почему-то пришел на память клич, затасканный еще во времена Древнего Рима: «Хлеба и зрелищ!»

При Чистом оказалось четырнадцать с половиной тысяч рублей. Басков подсчитал: в Ленинграде они с Брысем оставили себе по три тысячи, а тринадцать Брысь отдал Шальневу для его сестры Ольги. У Брыся при аресте было две с половиной. Из совхозной кассы они унесли двадцать три. Значит, до Ленинграда и в Ленинграде потратили вместе четыре тысячи, а врозь — две. Что ж, для казны не так уж и плохо — заполучить обратно семнадцать тысяч, могло бы быть и хуже.

Но денежный вопрос, поскольку с ним все ясно, сам по себе больше не интересовал Баскова. То, что государству возвращается такая солидная часть украденного, радовало его из-за Балакина: на суде этот факт, безусловно, будет иметь значение. Он никак не мог вытравить в себе симпатию к вору, возникшую из рассказа Анатолия Ивановича Серегина, и желал ему только одного,— чтобы срок был поменьше. Ну, пусть десять, пусть двенадцать лет... Лишь бы не высшая...

К Чистому у него не было ни капли жалости. Впервые за всю свою жизнь в угрозыске Басков испытывал чувство неприлично злорадное, но не поддающееся — как он ни ста-

рался — протестующим доводам разума, чувство, что вот он изловил человека, который заслуживает приговора на всю катушку и, может быть, услышит такой приговор. И дело тут было вовсе не в том, что Чистый ранил его. Подумаешь, царапина...

На первом допросе Чистый пытался выкручиваться насчет ограбления кассы, валил все на Брыся.

— А куда вы девали черную перчатку со свинцовым блином? — спросил Басков, раздражаясь.

— Какие перчатки? — с улыбочкой удивился Чистый.— Лето же, гражданин начальник.

— А охранника вы чем по затылку ударили?

— Да что вы на меня вешаете! Какой охранник?!

— Хорошо, я сегодня же устрою вам очную ставку с Брысем.

Чистый вдруг сорвался в крик:

— Не надо! Не хочу! На кой мне эта пасть!

— А вот он очень бы хотел с вами встретиться,— не утерпел Басков, с отвращением ловя себя на том, что ему нравится панический страх Чистого перед Брысем.

Он сознавал, что эти слова имеют для Чистого один смысл, когда речь идет лишь об ограблении кассы, и приобретают совсем другой, более серьезный, если Чистый увидел в них намек на ограбление Шальнева. Похоже было на второе...

Чистый разыграл обморок, схватился за перевязанное плечо и сполз со стула.

Басков вызвал врача. Врач пришел, дал Чистому понюхать нашатыря и, пощупав пульс, сказал, что ни сердечного, ни другого какого приступа не наблюдается.

Басков понял, что не сумеет оставаться спокойным при допросе Чистого, и ему представилось унизительным и противным тратить на этого человекоподобного свои нервные клетки, которые, как известно даже эстрадным конферансье, не восстанавливаются.

— Вот что,— сказал Басков,— мне из вас по капле показания добывать не хочется. Давайте так: я сейчас кое-что спрошу, а вы прикиньте, чем следствие располагает. Думаю, всем станет легче.

— Валяйте,— развязно согласился Чистый.

— Первое. Из Ленинграда вы уехали с тремя тысячами. Откуда четырнадцать с половиной?

— Нашел.

— Ладно, это мы уточним. Второе: зачем вы положили в карман Шальневу паспорт Брыся? И зачем послали Зыкову три сотни от имени Брыся? Замазать его хотели?

Чистый даже головой покрутил.

— Ну, начальничек! А может, Брысь сам и подкинул? Ксива-то не моя, а Брыся.

Баскову вспомнилась его собственная мысль о таком витиеватом варианте, и он с новым интересом посмотрел на Чистого. Этот тип, оказывается, способен на иезуитские штучки. Выходит, именно на такой вариант он и рассчитывал?

— Хорошо, на эти вопросы можете не отвечать, это вам, как говорится, информация к размышлению,— сказал Басков, чувствуя раздражение.— А вот насчет перчатки советую не тянуть.

Перчатка нужна была Баскову до зарезу: для следствия и на суде она окажется самым убедительным вещественным доказательством в ряду прочих. Тут молчание не устраивало его.

— Где перчатка?—спросил он сквозь зубы.

Чистый ответил не сразу, а когда заговорил, Басков не узнал его тона.

— Шальнев живой?

— Тут я спрашиваю, а не вы. Где перчатка?

— Выбросил.

Баскову стало легче. Чистый, несмотря на свое иезуитство, вероятно, не шибко-то разбирается в основах судопроизводства, коль признался в существовании перчатки — орудия двух преступлений, совершенных им. Но это были пока лишь слова, от слов на суде и отказаться не поздно.

Однако у него есть еще один способ попробовать отыскать перчатку.

У Тарасовой обыска не производили, так как было установлено, что о деяниях Чистого она не имела никакого понятия, а кров ему предоставила, как она сама говорила Баскову, исключительно из дружеского отношения к Сомовой, по ее просьбе. Не спрятал ли Чистый свою перчатку у нее в квартире?

В тот же день Басков встретился с Антониной Тарасовой у нее на работе и попросил, когда приедет домой, хорошенько поискать, нет ли среди ее вещей чего чужого, постороннего,— он не сказал, что это может быть черная мужская перчатка с зашитым за подкладку свинцовым блином. И записал ей свой рабочий телефон.

Она позвонила вечером, и голос у нее был растерянный, как в тот раз, когда Басков приезжал за ключами.

— Нашла, товарищ майор.

— Что нашли?

— Перчатка черная. Большая и страшно тяжелая. Что-то там вложено.

— Где она была?

— В шкафу стенном, на полке, наверху. Там у меня коробка с зимними сапожками. В голенище засунута.

— Прошу вас, Антонина Михайловна, сделайте вот что. Положите ее в коробку, как лежала, и поставьте коробку на место.— И, помолчав секунду, спросил: — Вы когда завтра работаете?

— Во вторую.

— Можете побыть до двенадцати дома?

— Конечно.

— Мы к вам заедем. Большой компанией. Вы уж не ругайте за беспокойство. Это в последний раз.

— Да нет, ничего...

На допрос Басков вызвал Чистого в девять часов утра.

— Прошу ответить только одно: где перчатка? — спросил он, когда Чистый сел.

— Не было никакой перчатки,— зло сказал Чистый.

— Вы же говорили — выбросили ее.

— Шутил. Хотел в лист вам сыграть, гражданин начальник, вижу, нравятся вам перчатки.

— Ну так вот, Чистый, сейчас поедем к Тарасовой, и вы покажете, где перчатка. В какой сапожок ее засунули.

Чистый хохотнул, но ничего не сказал. И Басков прибавил:

— А будете дурака ломать — мол, не моя,— так Брысь ее опознает... На очной ставке...

— Не надо очной ставки! — Чистого словно иглой кольнули.

— Так покажете?

— Чтоб я пропал! — Чистый выругался матом, помолчал, поднялся со стула и сказал: — Поехали, начальничек.

Через час жильцы дома в Бескудникове стали свидетелями не столь уж частого зрелища. Сначала у дома остановилась машина, в каких возят преступников. Затем подъехала «Волга», из нее появилась Тоша Тарасова в сопровождении интересного молодого мужчины, похожего вроде бы на кого-то из киноартистов, изображающих ковбоев. А из зеленой машины двое конвойных высадили долговязого верзилу, того, что прыгнул из окна на прошлой неделе. И все скрылись в подъезде.

Больше других повезло двум соседям Тарасовой, которых пригласили в понятые. После они много раз со всеми подробностями рассказывали, как тот, что похож на ковбоя, войдя в квартиру, попросил арестованного показать, где спрятана черная перчатка, как арестованный сам открыл стенной шкаф, попросил стул, встал на него, снял с верхней полки коробку, из коробки вынул бордового цвета дамский сапожок, а из сапожка — черную мужскую перчатку, как потом ее дали понятым подержать, и она оказалась очень тяжелая, килограмма два, не меньше, и как «ковбой» чуть подпорол подкладку и показал понятым, что в перчатке зашит свинцовый блин, и как в конце концов был составлен протокол, и его дали подписать понятым. А Тоша плакала, а когда арестованного повели вниз, она сказала: «Подлец! Боже, какой ужас!»

Уходя, Басков оглянулся и увидел на подоконнике в комнате нежно зеленевший в маленьком новом горшочке аспарагус — тот самый, что Чистый свалил на пол, когда открыл окно и собирался прыгнуть вниз...

ГЛАВА XII

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА БУЛЬВАРЕ КАРБЫШЕВА

Реконструкция по показаниям Чистого

Ему с самого начала не понравился этот каприз Брыся — поехать в Ленинград. Мужику под шестьдесят, и вдруг такие детские рыдания — захотелось повидать друга, которого знал еще до войны. Ну, понятно, не ради самого друга, а ради его сестры. Так и ехал бы прямо к ней, и при чем тут Ленинград? Но Чистый не имел права сказать поперек, потому что Брысь обеспечил ему жизнь после колонии, когда пригласил взять кассу в совхозе.

А вообще ему многое не нравилось в Брысе, например, полное отрицание разницы между понятиями «мое» и «твое». В глубине души Чистый презирал Брыся, но боялся его. Особенно противно было сознавать Чистому, что, несмотря на разницу в двадцать пять лет, Брысь был гораздо сильнее его физически, а Чистого бог силой не обидел.

Ленинградский дружок Брыся показался Чистому таким нулем во всех отношениях, что его тайное и самому непонятное презрение к Брысю сразу как бы получило объяснение — по принципу «скажи мне, кто твой друг...».

Чистый чутко прислушивался к разговорам Шальнева с Брысем и вначале только посмеивался над их старомодными слезами. Но когда понял, что Брысю словно шлея под хвост попала, Чистый озлился. Взятые деньги Брысь поделил поровну и сделал это по своей доброй воле, хотя был хозяин поделить по-другому. Чистый считал, что принятое решение обратного хода не имеет, и, когда Брысь потребовал у него шесть с половиной тысяч для отдачи сестре Шальнева, Чистый скрипел зубами. Но что он мог поделать? Он отдал деньги и затаил свой план.

Кое-чего о Шальневе и его сестре он наслышался от соседа, Кости Зыкова, и о сыне Шальнева тоже. А потом расспросил самого Шальнева — тот пьяненький был, все подробно рассказал. Главное — фамилию сына его Чистый узнал, а остальное, как говорится, дело техники.

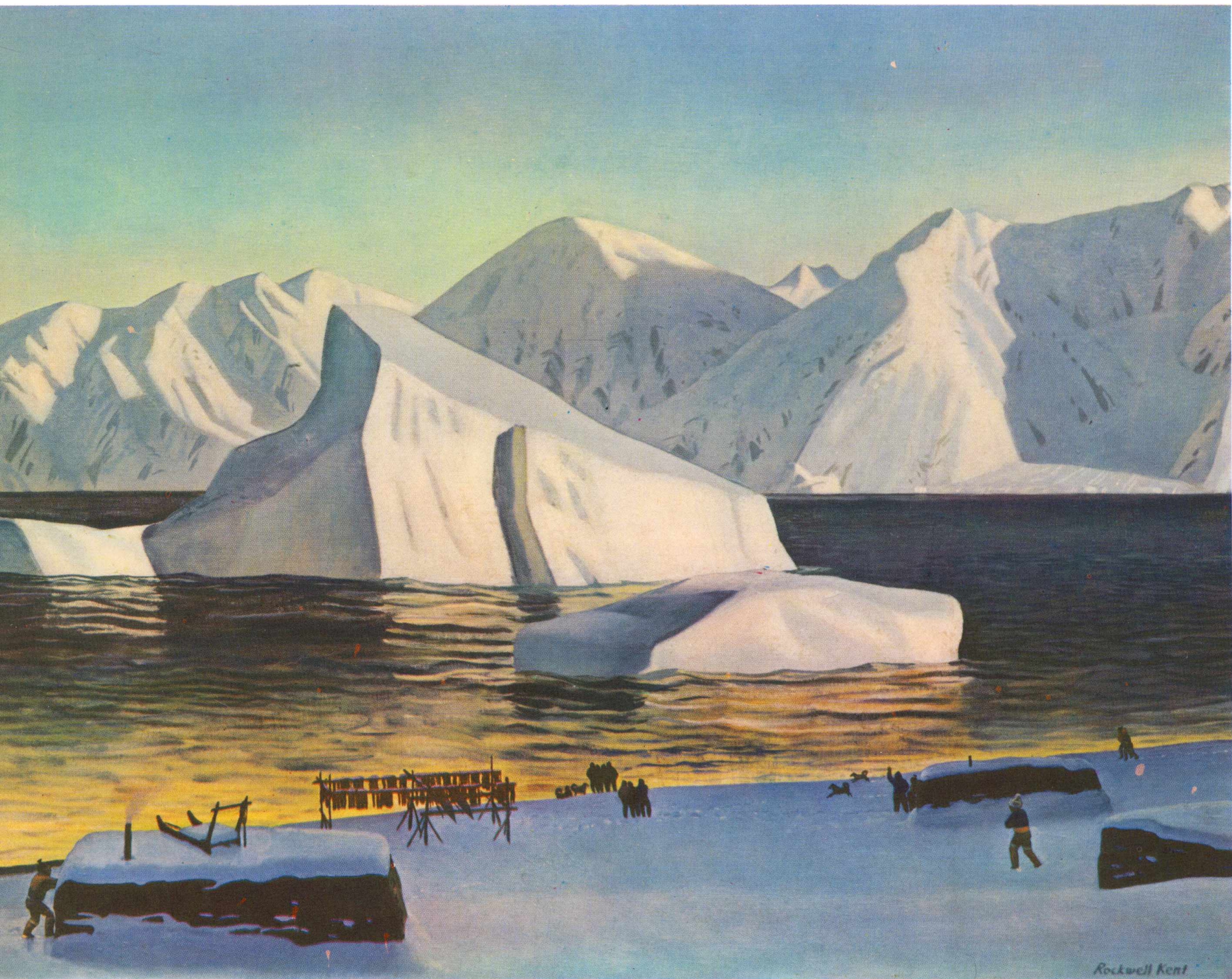
Клял себя Чистый, что не сдержался однажды, когда Брысь уже отбыл, вырвалось у него, облаял Шальнева из-за денег, но в конце-то концов это пошло на пользу: совсем не мог подозревать его Шальнев после такой стычки.

Приехав в Москву и устроившись у Тоши Тарасовой, Чистый узнал через справочное бюро адрес Юрия Мучникова. Мысль запутать Брыся появилась у него еще в тот момент, когда Брысь отобрал у него деньги, а схема созрела по дороге в Москву. Насчет того, что по отпечаткам пальцев следствие обнаружит липу, он не сомневался,— само собой, обнаружит, но какое это имело значение? Для следствия что он, что Брысь — разницы после совхозной кассы нет, но у Шальнева в кармане найдут паспорт Брыся, и пусть потом разбираются, как это получилось. Главное — время пройдет. Они, конечно, доберутся и до Зыкова, и тут надо устроить хорошую замазку. Отрывать от себя три сотни Чистому было мучительно, однако он счел нужным выдержать придуманную схему во всех деталях и послал Зыкову деньги от имени Брыся. А Шальневу отправил телеграмму от сына.

20 июля Чистый явился на проспект маршала Жукова утром в половине девятого, чтобы было без ошибки: Шальнев мог приехать из Ленинграда на «Красной стреле»,

Р. Кент. ГОРА АССИНИБОЙН, КАНАДСКИЕ СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ. 1952.

Р. Кент. НАЧАЛО НОЯБРЯ. СЕВЕРНАЯ ГРЕНЛАНДИЯ. 1932.

а она приходит в Москву в восемь двадцать пять. Чистый устроился за павильончиком троллейбусной остановки напротив дома, где жили Мучниковы. Шальнев мимо его глаз никак пройти не мог.

Шальнев приехал на такси в начале десятого. Расплатившись и выйдя из машины, он закурил сигарету, поглядел, закинув голову, на окна дома, где обитал его сын — видно, не раз глядел вот так, исподтишка, и раньше,— и пошел к будкам телефонов-автоматов. Звонил он долго, но, по всей видимости, бесполезно. Оставив телефон, Шальнев с обтерханным чемоданчиком в руке пошел в сторону Серебряного бора, не торопясь, низко опустив голову. Чистый следовал за ним по другой стороне проспекта, не боясь, что Шальнев заметит его.

Чистый был доволен собою: его схема сработала безотказно, этот малахольный Шальнев прискакал по первому свисту. И, пожалуй, напрасно было рисковать — ездить сюда, в триста восьмое почтовое отделение, чтобы послать телеграмму. Наверняка не рассматривал Шальнев, откуда послано. Просто одурел от счастья...

Теперь нужно определить, при нем ли деньги, а если да, то где — в чемоданчике или в кармане. Шальнев был в новом костюме какого-то странного грязного цвета и, шагая под жарким уже солнцем, не снимал пиджака — может, потому, что в кармане тринадцать тысяч? Но карманы, как успел заметить Чистый, не оттопыриваются, а деньги ему дадены не сотенными купюрами, а помельче, в основном четвертными, тринадцать тысяч в карман не уложишь. Значит, в чемодане.

А вообще это не имело значения. Важно, что будет делать Шальнев дальше. От проспекта Жукова теперь уже Шальнева не оторвешь, пока он не встретится со своим сыном или не поговорит с ним по телефону. Это ясно, и тут для Чистого была опасность. Узнает Шальнев, что сын никакой телеграммы не посылал,— насторожится. Но что он может при этом подумать? Такому лопуху и в голову не придет, что его просто подловили, он сочинит для себя какую-нибудь душещипательную историю.

До шести часов вечера Чистый, во всяком случае, мог не беспокоиться. Зинаида разведала, хоть и артачилась, что сын Шальнева и его мать работают именно до шести, а бывшая теща Шальнева живет на даче. У Чистого даже мелькнула мысль, что квартиру Мучниковых при случае можно легко будет взять, но сейчас не до этого...

Шальнев остановился у табачного киоска, купил сигарет и зашагал дальше. Чистый сообразил, что, наверное, он собирается скоротать день в Серебряном бору, а туда еще топать и топать. Шальнев может сесть в двадцатый или двадцать первый троллейбус, и тогда Чистый его потеряет. Это было бы непростительно...

Чистый перешел на ту сторону проспекта, по которой шагал Шальнев, и стал ловить машину. Притормозила черная «Волга», и как раз вовремя — Шальнев, дойдя до троллейбусной остановки, стал в ожидании. «Командир,— сказал Чистый водителю,— минутку задержимся, не волнуйся, не обижу». Шальнев сел в подошедшую двадцатку. Чистый попросил водителя ехать за троллейбусом, не обгоняя.

Шальнев сошел на кругу в Серебряном бору. Расплатившись, Чистый не сразу покинул машину — посмотрел, куда Шальнев пойдет. Тот направился к зеленому дощатому забору на углу, над которым висела вывеска «Шашлычная». Но калитка в заборе была закрыта — рано еще, нет и десяти, а заведение начинает работу в одиннадцать. Шальнев двинулся прямо, по маршруту № 21, который вел к Москве-реке, и Чистый последовал за ним. Теперь он был спокоен: Шальнева потерять здесь невозможно. Чистый снял пиджак, во внутреннем кармане которого лежала тяжелая черная кожаная перчатка, и ощутил приятную прохладу...

Шальнев дошел до реки и сел в тени кустов, покурил. В одиннадцать поднялся и пошел обратно, к кругу. Чистый думал, что он приземлится в шашлычной, но Шальнев предпочел пельменную — она наискосок от шашлычной, на другой стороне улицы, по которой ходит троллейбус № 21.

Он просидел там два часа. Что пил и ел, Чистому было неизвестно, однако он с удовлетворением отметил, что появился Шальнев из пельменной повеселевшим и бодрым. В полусотне метров от пельменной, на кругу, стояли будки телефонов-автоматов. Шальнев звонил минут десять, вернее, пробовал звонить, потому что ему никто не ответил, и Чистый из этого заключил, что ему известен только домашний телефон сына, а рабочего он не знает. Тоже к счастью...

От автоматов Шальнев вернулся в пельменную, и Чистый, проторчав на жаре еще два часа, начинал понемногу злиться, но осадил себя. Чем больше примет Шальнев спиртного, тем лучше. Вот если бы и самому пожрать, совсем бы хорошо, да не может он ни в пельменную зайти, ни в шашлычную, нельзя ни на минуту упускать Шальнева из-под контроля. И Чистый продолжал прогуливаться по песчаной дорожке для пешеходов, заменявшей тротуар на противоположной от пельменной стороне улицы...

Шальнев повторил вылазку к телефонам, но опять безрезультатно. А потом пошел к реке, но другим путем — мимо летнего кинотеатра. Сел на скамью у самой воды.

Солнце уже перевалило к западу, светило Шальневу в самую макушку, и он сидел, как истукан, и курил одну за одной сигареты. Чистый лежал в тени под соснами, и ему и то было жарко, а этот малахольный парился в своем идиотском костюме на самом солнцепеке, и хоть бы хны. Чистый чувствовал, как в нем наливается презрительная злоба, и ему не терпелось вот сию же минуту подойти к Шальневу, дать ему по роже, отобрать чемоданчик и спокойно уйти... Но нельзя. Кругом люди, и по берегу гуляют, и под соснами, да и лодочная станция рядом, а там милиция — это Чистому было известно, он Серебряный бор знал вдоль и поперек.

В шесть часов вечера Шальнев пошел на круг и снова попытался звонить, и снова ему никто не ответил. Тогда он побрел, опустив голову, через мост на проспект Жукова и в половине седьмого зашел в ресторан «Серебряный бор». Он просидел там до десяти, но пять раз спускался и звонил по телефону-автомату, по-прежнему напрасно. И каждый раз в руке у него был серый фибровый чемоданчик, из чего Чистый наконец точно вывел, что деньги в чемоданчике. И только это немного смирило созревшую в нем ненависть к Шальневу — ненависть за все: за бесцельное шатание, за понурый вид, даже за неспособность понять свое идиотское положение.

В десять Шальнев, к удивлению Чистого, не очень-то пьяный, вышел из ресторана, кажется, окончательно. Опять позвонил и отправился в сторону Беговой улицы. Но, погуляв часик, вернулся к ресторану, поднялся наверх.

У Чистого все дрожало внутри от злобы. Единственное утешало его: еще минут двадцать, полчаса — и он с этим покончит.

Народу на проспекте уже почти не было. Троллейбусы шли пустые. Чистый решил подправить свой план и завершить дело здесь, сейчас...

Шальнев вышел раньше, чем он рассчитывал. Чистый подумал: «Перехватил в буфете»,— и пошел следом за Шальневым, направлявшимся к асфальтовой ленте проспекта. На ходу он достал из кармана перчатку и надел ее на руку. Можно было бы ударить тут же, но сквер перед рестораном — слишком открытое место, и прохожие все-таки здесь.

Опасаясь, что Шальнев захочет взять такси или левого, Чистый нагнал его на тротуаре и сказал в спину:

— Минутку, Игорь Андреевич.

Тот, как кукла, дернул головой от неожиданности, обернулся и спросил:

— Кто это?

— Не узнаете?

Шальнев вгляделся.

— А-а, Митя. Чем могу служить? — Он уже не удивлялся, как будто все так и должно быть.

Чистого покорежило от такого идиотизма.

— Вот что, Игорь Андреевич, ваш друг Брысь раздумал насчет денег.

— Не понимаю.— Шальнев обнял чемоданчик обеими руками, прижал к себе.

— Он поручил мне взять деньги обратно.

— Я вам не верю, что за чепуха!

— Вы потише, вон люди ходят,— сказал Чистый сквозь зубы.— Не верите — не надо. Он сам вас ждет, вон там.— Чистый показал на бульвар Карбышева.

Шальнев растерялся. Чистый взял его левой рукой, без перчатки, под локоть.

— Идем.

Он перевел Шальнева через проспект, они прошли по бульвару — прямо по траве — метров сто, потом немного по дорожке. На ходу Чистый огляделся. Вокруг не было ни души.

В темной полосе, куда не достигал свет редких уличных светильников, Чистый ударил Шальнева по затылку, вложив в этот удар всю накопившуюся за день злобу. Оттащив его под куст и опустив спиной на землю, он нанес такой же страшный удар по лицу. Потом открыл чемоданчик, нащупал под тряпками две толстые пачки. Сунул их себе в карманы. Затем обшарил карманы Шальнева и забрал все, кроме носового платка, а во внутренний карман пиджака положил Шальневу паспорт Брыся.

Сняв и спрятав перчатку в карман, Чистый вышел на проспект. Он был спокоен, он был уверен, что Шальневу не жить. Скоро подошел троллейбус, Чистый доехал до метро «Беговая», спустился, сделал пересадку на Красной Пресне, вышел у Белорусского, а там, постояв в очереди, сел в такси и отправился в Бескудниково, к Тоше Тарасовой, где его ждала Зинаида...

Следователь Степанов, которому Басков передал Чистого и Брыся, сказал полушутя-полусерьезно:

— Всех переловил, радоваться надо, а ты что-то, брат, невесел.

— Всех не переловишь,— механически отшутился Басков, а сам подумал, что Степанов угадал: невесело.

У Баскова были дела и пострашнее, и видел он негодяев омерзительнее Чистого, и истинно благородных людей, так же не приспособленных к жизни, как Игорь Андреевич Шальнев, но умевших постоять за себя в трудную минуту.

Он трезво сознавал специфику своей работы: сыщик на то и сыщик, чтобы ходить по стопам преступников и ощущать их смрадное дыхание. Но он не переносил пороки и вожделения своих подопечных противников на все человечество и этим сильно отличался, например, от парикмахерши Тоши Тарасовой, которая имела полное право считать всех людей одинаковыми по крайней мере в одном отношении: все они стригутся.

Распутывая дело Брыся — Чистого, он прикоснулся к вещам, о которых прежде не ведал, и это хоть немного, но все же обогатило его опыт. Он подружился с полковником Серегиным, которого глубоко уважал, и ему блеснул издалека свет простой души — няньки Матрены, отраженный памятью знавших ее.

Так отчего же невесело ему?

Устал, конечно, в отпуск пора. Но это, так сказать, обычная годовая цикличность. Нет, не в том причина...

Басков не принадлежал к числу тех, кто, рассмеявшись, тут же себя суеверно одергивает: «Ох, не к добру, не было б беды». Зато, когда ему было безмотивно тоскливо, он непременно доискивался до мотива и всегда его находил. А сейчас не получалось...

Может, жалость заговорила в нем — жалость к Шальневу, к его изломанной судьбе? Отчасти. Но Шальнев и сам повинен в том, что с ним приключилось, не надо быть таким размазней в пятьдесят с лишним лет.

Может, горчит осадок, оставшийся в сердце от общения с не преступившими закона, но не менее несимпатичными Баскову, чем преступники, личностями — Зыковым и Ниной Матвеевной Мучниковой? Опять-таки отчасти.

«Не мудри,—сказал себе Басков.—Жизнь—она и есть жизнь. И не всегда тебе должно быть весело».

ВОСХОЖДЕНИЕ

См. стр. 7.

Дойка только что закончилась. Оператор еще не успела снять аптекарской чистоты халат. Голубоглазая, миловидная, из-под белого чепчика-косынки выбиваются пышные пряди.

— Столичная доярка Громова,— представилась она и улыбнулась. Смысл шутки стал понятен через несколько минут.

...Родилась Маша в притулившейся обочь старой Москвы деревушке Брехово. Рядом — плотная россыпь множества сел и деревень, названия которых близки и знакомы каждому столичному жителю — Коньково, Беляево, Богородское, Ясенево, Зюзино, Тропарево, Теплый Стан... Бревенчатые — в три окна на улицу — дома утопали в сиреневых палисадниках. На этих улицах утверждалась пока еще местная слава Машиной сверстницы Люды Зыкиной, ставшей впоследствии народной артисткой. Будущая знаменитость не гордилась — охотно пела в невзрачных клубах окрестных деревень. Не раз и не два слушала ее Маша в те годы — сейчас она считает это удачей своей жизни.

Работала Маша с военной поры, с девчоночьих лет, в маленьком колхозе — то на овощах, то в поле, недолго дояркой, потом счетоводом-бухгалтером. К шестидесятым годам тугой бетонный обруч Кольцевой дороги опоясал Москву, вобрав в себя немало окраинных столичных колхозов и совхозов. Москва наступала автострадами, многоэтажьем зданий. И вот на месте беляевского колхозного клуба, где когда-то пела Люда Зыкина, воздвигнут дом, в котором семья Громовых получила трехкомнатную квартиру.

Колхоза не стало. Как быть? Можно идти на любой завод, хотя бы на «Красный пролетарий» — здесь работали ее брат, сестра, а после Машиного замужества — и муж-шофер. Но сердце тянуло к привычному. А тут еще и отец, Сергей Иванович, заскочивший навестить внучат, старшего Алешку и младшенького — двухлетнего бутуза Сережку, посоветовал: «Нечего тебе, дочка, маяться. Давай к нам, в «Коммунарку». Ты работящая — таких наша директорша Александра Никитична Монахова ценит».

Отцовский совет засел занозой: «А что если и взаправду? Ездить туда не дальше, чем на завод, для семьи это немаловажно».

Побежала к верным подружкам по работе в бывшем колхозе — Клаве Денисовой, Шуре Завьяловой.

— Попытка — не пытка,— рассудили те,— все мы были доярками, работы не боимся.

Было это почти двадцать лет назад. С тех пор автобус ранним утром — минута в минуту такой в совхозе порядок — заезжает за «столичными» доярками. Их из Москвы ездит больше десяти, а еще фуражеры, подсобные рабочие. Три неразлучные подруги все это время трудятся вместе. Громова и Денисова — основными операторами, Завьялова была подменной, а недавно приняла свою группу.

...Уже на «традиционной», в 21—22 коровы, группе Громова проявила себя прекрасно. Все отметили, что работает она горячо, даже азартно. Разговаривает — на лице неподдельная улыбка, душевная, открытая. Удивлялись, как при такой, мягко говоря, не очень чистой работе ухитряется всегда быть аккуратной. И еще отметили — безотказность, идущую не от мягкости характера или излишней уступчивости, а от сознания необходимости делать дело: потребовались совхозу как-то доярки на новой ферме, предложили Марии Сергеевне перейти — никого не стала изводить отказами, уговорами. Виртуозно овладела двумя малыми доильными аппаратами — стала справляться с 28 коровами. Набиралась опыта, шлифовала мастерство и, глядишь, справилась с 35 животными. Потом рискнула прибавить еще десяток коров. Столько же и у Клавдии Денисовой. Обе впервые по годовой «валовке» перешагнули за 220 тонн. Не на двоих — каждая!

— Может, впервые я ощутила, как интересно жить и работать,— вспоминая о том времени профессионального становления, говорит Мария Сергеевна.

На ферму поступил доильный комбайн «Маяк», созданный по просьбе и при участии специалистов и доярок «Коммунарки» на одном из московских заводов. Он сразу понравился дояркам; мог брать молоко в стойлах одновременно от четырех коров. И еще плюс — животных не надо было гонять с их привычных мест. Свершилось то, о чем мечтали многие поколения доярок: их впервые освободили от кормления коров и ухода за ними. Весь корпус — 220 коров — стали обслуживать всего шесть доярок, а через год — четыре: Громова и Денисова взяли под свою опеку по 75 коров. Каждая из них к тому времени стала мастером машинного доения первого класса. На счету Громовой за два года работы на такой группе — 650 тонн молока, Денисова отстала всего на двадцать пять тонн.

Но главное еще не было сказано. К нему подступали исподволь, осторожно.

— А что если взять все 220 коров фермы на двоих?— как-то спросила Громова у Клавдии Васильевны.

— Придумаешь, Маша. Откуда только у тебя силушка взялась? Как же это?

— Очень просто. Мы с тобой — коренные, а Шура Завьялова — на подмен.

— Вот так «простота»!— не удержалась от смеха подруга.

— А ты, Клава, прикинь. Сейчас мы работаем на одном «Маяке» каждая. Возьмем еще по аппарату. Что и говорить, нагрузка возрастет, так что новостей совхозных на работе поменьше узнавать будем,— не удержалась от шутки Громова.— Но в автобусе по дороге с работы наверстаем.

Поговорили с Завьяловой, та согласилась быть подменной на невиданно большой группе. Предложение трех подруг поддержали специалисты, дирекция, партком и рабочком.

И потянулись дни и недели нелегкого труда. Работы прибавилось, но к этому времени все на старой ферме устоялось: ее реставрировали, операторы, фуражеры и скотники привыкли к разделению труда, его специализации. Внимание основного звена — двух операторов (и подменной их в выходные дни) теперь сосредоточилось на главном. Двухразовая дойка (утром и вечером на нее уходит пять с половиной часов) давала им возможность хорошо отдохнуть, больше времени отдавать семьям, а Марии Сергеевне — и ее давнему увлечению: выращивать цветы в квартире, а летом — садовому участку.

Так Мария Сергеевна стала инициатором соревнования доярок совхоза, а позже и всего Ленинского района за получение свыше 300 тонн молока в год. Сама она в первый же год работы по-новому взяла «урожай» в 439 тонн при среднем надое от 110 коров в 4539 килограммов.

Позже Громова узнает, что в тот год она уступила всего тридцать тонн самой Лейде Пейпс, известной эстонской доярке, которую тогда поздравил Л. И. Брежнев. Высокое звание Героя Социалистического Труда обеим им было присвоено одним Указом. С тех пор установилось соперничество прославленных мастериц — вначале негласное, а позже, когда они как депутаты стали встречаться на сессиях Верховного Совета СССР, оно переросло в очное, дружеское.

Сила начинания новаторов «Коммунарки» оказалась такой, что ныне все операторы машинного доения этого района превзошли в среднем годовой рубеж в 250 тонн на группу, а у Громовой, Денисовой, Дедюкиной, Мазниной, Карпец и доброго десятка других он вот уже шесть лет не опускается ниже пятисот тонн. Многие десятки доярок надаивают здесь свыше трехсот тонн в год каждая. (Примечательно, что Мария Сергеевна, работающая по-прежнему «в связке» с Клавдией Васильевной, вот уже двадцать лет — что само по себе своеобразный рекорд,— добавила к своим 110 коровам еще пять.)

«Коммунарка» — в Союзе своего рода рекордсмен. По целому ряду показателей ей нет равных. Например, по плотности животноводства: на сто гектаров угодий здесь содержат 160 голов крупного рогатого скота (из них 80 коров). По величине стада — более восьми тысяч голов. Одних дойных коров — четыре тысячи с лишним, причем половина из них содержится на новом комплексе с самой высокой в стране производительностью труда (на каждого оператора в среднем 515 тонн молока). Энергетика комплекса — 1450 электродвигателей! Но это, так сказать, абстрактные цифры. Обратимся к самому главному, касающемуся всех нас, потребителей. Страна получила отсюда в минувшем году 19 239 тонн молока — почти втрое больше, нежели в 1965-м.

Не однажды мне доводилось бывать в «Коммунарке», последний раз — буквально через несколько дней после окончания работы майского Пленума Центрального Комитета партии. Невольно бросается в глаза, что у многих прохожих на улицах красивого центрального поселка газеты с материалами Пленума, зайдешь в мастерские или в комнаты отдыха на ферме — механизаторы, доярки-операторы машинного доения сходятся для разговора.

М. С. Громова: — И не потому, что кто-то повелел, собираемся. А потому, что не читать нельзя, как говорится, ни сердце, ни совесть не велят,— ведь каждая строчка и доклада Леонида Ильича Брежнева, и Продовольственной программы, и других документов, сулящих много доброго сельским труженикам, всему народу, обращена к нашим умам и сердцам. Верите, во мне уже несколько дней живет чувство трудового праздника. Да разве у меня только. У всех нас. Я сегодня любовалась работой нашей с Денисовой подменной доярки Зои Протосени. Клава в отпуске — поплыла теплоходом до Астрахани, между прочим, в каюте первого класса. Зоя работает сейчас на ее группе — неравнодушно, красиво, на совесть. И я подумала: вот так должен трудиться на своем месте каждый, проявлять и свои способности и знания. Только тогда, по-моему, Продовольственная программа станет делом, в котором не будет безучастных — тех, чья хата всегда с краю.

Управляющий Яковлевским отделением В. Г. Проселков:

— Как молодой руководитель — я всего два месяца назад принял отделение с очень сложным хозяйством, одних коров и молодняка свыше трех тысяч голов — взволнован бережным, чутким и требовательным отношением к специалистам, вожакам производства, отношением, которое проходит и через доклад Л. И. Брежнева на Пленуме и через постановления, одобренные на нем. За два месяца я уже успел не раз почувствовать, как отражается на нашей работе несогласованность различных ведомств, обслуживающих нас.

Мы идем вдоль металлической ограды летнего лагеря для молодняка. Владимир Григорьевич с трудом открывает грубо изготовленные запоры между проходами и чертыхается: «Работа «Сельхозтехники» — вкривь и вкось. А сделаешь замечание, куда там. «Не нравится? Больше не приедем». Верится, что с таким отношением будет покончено.

Директор совхоза А. Н. Монахова:

— Мы ведем хозяйство в условиях ближнего Подмосковья. Отсюда малоземелье и, значит, жесткая необходимость быть если не мудрыми, то по крайней мере разумными, рачительными хозяевами. У нас поэтому не гуляет ни клочка угодий, тем более пашни, что позволило устойчиво получать с каждого гектара в среднем не менее пятидесяти центнеров кормовых единиц. Майский Пленум Центрального Комитета партии зовет нас идти дальше, умело распоряжаться и тем, что дает в помощь селу государство, и тем, что имеем сами.

Мне приходилось не раз слышать: «Вряд ли «Коммунарка» способна идти дальше: все, мол, у нее буквально на пределе — и плотность стада, и земельные ресурсы, да и поднять надои при таком поголовье сложновато. Вполне понятно, что резкий рывок нам сделать нелегко. Но, соотнеся ресурсы хозяйства с требованиями Продовольственной программы, критически оценивая свою работу, не прощая себе ни малейшей промашки, мы считаем, что приплюсовать тысячу тонн молока в ближайшие года сумеем. И не просто приплюсовать, но и повысить качество продукции, рентабельность производства, снизить трудовые затраты, стоимость кормов. Так велят нам решения майского Пленума. Как директор рада прямому указанию Программы. Разрешите зачитать этот пункт: «Всемерно развивать хозяйственную инициативу и социалистическую предприимчивость колхозов, совхозов, всех других предприятий и организаций агропромышленного комплекса...» И далее: «Не допускать мелочной опеки колхозов и совхозов». Все это проходит вот здесь.— И Александра Никитична указала на сердце.

Свежий ветерок гонит тугую волну по озимым хлебам, напоенным благотворными майскими дождями. На лугах и пастбищах совхоза назиготове стоят «Фрегаты»: осадки осадками, а рукотворные дождики не помешают — с ними надежнее. Наступила пора «большого молока». И в «Коммунарке» стараются взять его сполна. Ритм — трудовой, четкий, горячий — ощущается здесь во всем. В конечном счете он фокусируется на городских маршрутах цистерн с молоком — 50 тонн его в сутки поставляет «Коммунарка». Ни грамма меньше. Больше — не возбраняется. Больше — лучше: тем основательнее ляжет «кирпичик» в здание Продовольственной программы страны.

В ЧЕСТЬ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Гражданский подвиг узбекской семьи Бахрихон и Шаахмеда Шамахмудовых, усыновившей пятнадцать обездоленных войной детей, увековечен в монументе Дружбы народов СССР. Он торжественно открыт 26 мая в Ташкенте.

На площади Дружбы народов, где установлена скульптурная композиция, состоялся митинг представителей трудящихся столицы республики.

В митинге участвовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Монумент Дружбы народов СССР.

Фото В. Сваричевского

Борис Петрович ЧИРКОВ

Советское искусство понесло тяжелую утрату. На 81-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся деятель советского театра и кино, член КПСС, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, артист Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя Борис Петрович Чирков.

Б. П. Чирков более шестидесяти лет вдохновенного и неустанного труда отдал театральному искусству и кинематографу. Он внес большой вклад в развитие социалистической культуры.

Б. П. Чирков родился в 1901 году в селе Лозовая-Павловка Днепропетровской области. После окончания Ленинградского института сценических искусств в 1925 году он начинает свою артистическую деятельность в коллективе Театра юного зрителя, работает на сценах других театров Ленинграда и Москвы, с 1966 года — в Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя.

Всеобщее признание и любовь миллионов зрителей снискал созданный Б. П. Чирковым образ рабочего-большевика Максима в кинотрилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона». Широко известны его роли в фильмах «Волочаевские дни», «Чапаев», «Учитель», «Фронт», «Глинка», «Донецкие шахтеры», «Верные друзья», «Живые и мертвые», «Дорогой мой человек».

Неутомимую творческую работу Б. П. Чирков сочетал с активной общественной и педагогической деятельностью. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР, Московского городского Совета народных депутатов, был первым заместителем председателя правления Всероссийского театрального общества, членом президиума Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. Свой богатый опыт Б. П. Чирков щедро передавал студентам Всесоюзного государственного института кинематографии.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Б. П. Чиркова, наградив его тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды. Четырежды ему присуждалась Государственная премия СССР, а также Государственная премия РСФСР. За выдающиеся заслуги в развитии советского театрального искусства и кино Б. П. Чиркову в 1975 году было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Художник-патриот, человек большой душевной доброты и обаяния, Б. П. Чирков весь свой огромный талант посвятил служению народу, партии, Родине.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, В. Н. Макеев, Р. Ф. Дементьева, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, Б. Н. Пастухов, В. Ф. Промыслов, Ф. Т. Ермаш, В. И. Кочемасов, Л. А. Кулиджанов, Т. Н. Хренников, С. А. Герасимов, Е. Н. Гоголева, Б. Г. Голубовский, А. А. Гончаров, Л. З. Трауберг, О. Н. Ефремов, Е. В. Зайцев, Н. А. Крючков, К. Ю. Лавров, Е. С. Матвеев, Ю. С. Мелентьев, М. В. Пашков, Н. А. Пономарев, А. М. Роганов, А. В. Романов, С. И. Ростоцкий, В. В. Санаев, Н. Я. Сычев, Г. А. Товстоногов, З. П. Туманова, И. Е. Хейфиц, М. И. Царев.

«МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» — 60 ЛЕТ

«Вместе с читателями журнала «Молодая гвардия» встречаю его шестидесятилетие как праздник всей советской литературы. Горжусь своей принадлежностью к первому поколению его авторов и друзей. У комсомола хороший, надежный журнал. Но юбилей обязывает к строгой самооценке. Дорога к совершенству бесконечна. Пусть «Молодая гвардия» и в будущем открывает двери в большую литературу талантливой творческой молодежи, одухотворенной желанием страстно и бесстрашно служить своими перьями социалистической Родине». Эту телеграмму прислал журналу-юбиляру Михаил Александрович Шолохов. За строками приветствия великого писателя современности видится история журнала, неразрывно связанная с историей Страны Советов, жизнью многонациональной советской литературы, делами и свершениями комсомола.

«Молодая гвардия» — журнал молодых и для молодых. Он родился в напряженнейшие годы, первые годы Советской республики, и главной задачей журнала определялось революционное воспитание и идейно-политическое вооружение его читателей, прежде всего молодежи. Журнал начал выходить в 1922 году как орган ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ. Если перелистать его страницы за шесть десятилетий, то перед нами пройдет величественная картина развития советской литературы. В журнале были напечатаны замечательные произведения социалистического реализма, ставшие отечественной классикой. Уже в первые годы читатели «Молодой гвардии» познакомились с повестями Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», Д. Фурманова «Мятеж», «Перегной» Сейфуллиной, стихами Маяковского, Асеева, Безыменского, Исаковского. В журнале печатались А. Фадеев и М. Шолохов, Л. Леонов и А. Толстой, Ф. Гладков и В. Шишков, К. Тренев и А. Новиков-Прибой... Этот перечень можно было бы продолжить. Редакция журнала неустанно, как мы теперь видим, точно работала над выявлением и публикацией высокохудожественных и высокоидейных произведений советской литературы. Ведь многое из того, что впервые появилось на страницах журнала, составляет ныне золотой фонд нашей словесности. Особенно значительно то, что многие из авторов «Молодой гвардии» были начинающими писателями, и журнал смело и щедро предоставлял свои страницы для их дебюта. Например, А. Фадеев именно в «Молодой гвардии» напечатал свой первый рассказ «Против течения».

Но, конечно, наиболее выдающимся, самым поразительным открытием журнала стал роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Писатель М. Алексеев проницательно заметил, что «если бы журнал «Молодая гвардия» не сделал ничего другого, кроме открытия имени Николая Островского, то и в этом случае мы обязаны и должны были бы ему поклониться». В этом году исполняется полвека роману «Как закалялась сталь». Пятьдесят лет назад со страниц «Молодой гвардии» шагнул в бессмертие Павка Корчагин, и в тот же час на литературном небосводе вспыхнула новая звезда — Николай Островский, несгибаемый большевик-ленинец, писатель удивительной литературной одаренности, честности и требовательности к себе.

Поистине роман «Как закалялась сталь» стал символом всего лучшего, что сделал журнал за минувшие шестьдесят лет.

«Верный своим традициям, журнал является страстным трибуном бессмертных идей Великого Октября, ярко, талантливо отображает участие советской молодежи в коммунистическом строительстве на всех направлениях социальной, культурной, экономической и политической жизни, воспитывает у юношей и девушек стремление к трудовым и ратным подвигам во имя любимой Родины»,— говорится в приветствии ЦК ВЛКСМ редакции журнала «Молодая гвардия».

Со страстным публицистическим словом обращались к молодежи со страниц «Молодой гвардии» видные деятели Коммунистической партии и Советского государства: В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский. Их выступления воспитывали у молодого читателя революционную непримиримость к недостаткам, раскрывали величие и глубину ленинских идей, помогали девушкам и юношам обрести идейную закалку и духовную силу.

Редакция «Молодой гвардии» чутко держит руку на пульсе современного литературного процесса. В последние десятилетия в журнале были опубликованы такие значительные произведения, как «Вишневый омут» М. Алексеева, «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Суровое поле» А. Калинина, «Брестская крепость» С. С. Смирнова, «Война» И. Стаднюка, сочинения В. Солоухина, П. Проскурина, В. Тендрякова, В. Белова, В. Астафьева и многих других писателей. Характер нашего современника в этих произведениях раскрывается объемно и многогранно. Журнал постоянно воспитывает у своих молодых читателей верность народным традициям, стремление продолжать дело дедов и отцов, не забывать прошлое своей страны.

«Молодая гвардия» — надежный помощник партии и комсомола в коммунистическом воспитании молодежи, в формировании истинного патриотизма, пролетарского интернационализма, революционной романтики.

Одной из основных сфер деятельности журнала традиционно является поиск и привлечение новых авторов. Произведения молодых писателей постоянно появляются в «Молодой гвардии», талантливая творческая молодежь всегда находит в журнале действенную помощь и внимание. С этого года начало выходить приложение к журналу — «Библиотека «Молодой гвардии». Книги этой серии будут еще более объемно представлять творчество молодых писателей во всех жанрах литературы.

Юбилей «Молодой гвардии» совпал со знаменательным событием в жизни советской молодежи и всей нашей страны — XIX съездом ВЛКСМ. Партийный наказ комсомольцам, молодежи 80-х годов, который прозвучал с трибуны съезда в словах Л. И. Брежнева,— это и программа действий журнала. Перед ним стоит большая задача в поиске, гражданском и профессиональном воспитании молодых талантов, работа по идейной и трудовой закалке молодежи, воспитанию ее в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

У журнала «Молодая гвардия» прекрасные традиции, опираясь на которые он уверенно смотрит в будущее, открывая новые страницы советской литературы. Вечно юной литературы страны, строящей коммунистическое общество.

В. ПЕТРОВ

•

И снова на флагштоках у входа в ташкентскую гостиницу «Узбекистан» развеваются десятки иностранных знамен. В лучших кинотеатрах города слышится многоголосый говор на разных языках. Полны гостеприимной теплоты приветственные речи. Всюду транспаранты «Хуш келибсиз!» — «Добро пожаловать!». С 24 мая по 3 июня в Ташкенте в седьмой раз проходит творческая встреча кинематографистов трех континентов.

В нынешнем кинофоруме участвуют представители 25 стран Азии, 34 — Африки, 13 стран Латинской Америки, а также посланцы ООН, ЮНЕСКО, Организации освобождения Палестины, Патриотических сил Чили и Сальвадора, гости 22 стран Европы, Северной Америки, Австралии и Океании. Великой объединяющей силой является девиз Ташкентского кинофестиваля: «За мир, социальный прогресс и свободу народов».

В программе официального и информационного просмотров более двухсот художественных, документальных и короткомет-

КНИГИ

В нашей стране с большим успехом прошли дни болгарской культуры, посвященные 100-летию со дня рождения Георгия Димитрова. В Москве выступал Национальный академический театр имени И. Вазова, состоялись выставки работ современных художников Болгарии, произведений болгарского народного искусства, творческие встречи, вечера дружбы...

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева была открыта выставка болгарской книги. Известно, что книги — лицо культуры. Поэтому с таким интересом знакомились москвичи — писатели, издательские работники, художники, полиграфисты — с изданиями, представленными на стендах выставки.

Многие книги, экспонированные болгарскими издательствами, связаны с именем Георгия Димитрова, верного сына болгарского народа, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения. Прекрасно выполнен совместно подготовленный болгарским издательством «Наука и искусство» и советским

Журнал «Огонек» с № 24

ражных фильмов. Как и ранее, на кинофоруме нет жюри и официальных наград. Зато есть массовые встречи со зрителями, памятные призы и дипломы общественных организаций, беседы с коллегами по профессии.

Особый настрой нынешнему празднику кино в Ташкенте придает то, что он проводится в год 60-летия образования СССР. Участникам и гостям кинофестиваля предоставлена возможность ознакомиться с достижениями Советского Узбекистана, являющего пример торжества ленинской национальной политики.

Официальное открытие кинофестиваля состоялось во Дворце дружбы народов СССР имени В. И. Ленина. Собравшиеся бурными аплодисментами встретили приветствие Леонида Ильича Брежнева, где сказано: «Служение искусству — это служение человеку. И можно только порадоваться тому, что кинематографисты Азии, Африки и Латинской Америки чутко откликаются на жизненные проблемы, волнующие людей во всех уголках земли». Приветствие огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото В. Сваричевского

СЕДЬМОЙ ТАШКЕНТСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

БРАТСКОЙ БОЛГАРИИ

Директор выставки Лили Лулчева у стенда с книгами, посвященными Г. Димитрову. **Фото И. Тункеля**

«Планета» альбом «Г. Димитров — наш современник». Здесь же первый том двадцатипятитомного издания собрания сочинений Г. Димитрова, первая его работа, опубликованная в нашей стране, книги о выдающемся революционере. Интересно, что произведения Г. Димитрова чаще всего за рубежом Болгарии издавались в СССР — у нас вышло свыше 200 его работ на 35 языках народов нашей страны.

Георгий Димитров говорил: «В области культуры по способностям нет малых и больших народов. Нет полноценных и малоценных народов. Каждый народ, каким бы малым он ни был, может быть способным и внести в общую сокровищницу культуры свой вклад ценностей». Выставка болгарских книг как бы наглядно раскрыла этот тезис. Издания по многим отраслям знаний, книги по искусству, произведения классиков литературы, замечательные альбомы рассказывают о развитии болгарской культуры и науки, о видном месте, которое занимает Болгария в мировом культурном процессе.

Даже краткий, очень поверхностный перечень выставленных в ЦДЛ книг говорит о высоком уровне издательского дела в братской социалистической республике. Книги классиков болгарской литературы Ботева, Смирненского, Вапцарова соседствовали на стендах с шедеврами мировой философской мысли, представленными в серии «Философское наследие»,— трудами Монтеня, Паскаля, Платона, Герцена, переведенными на болгарский язык. Всеобщее внимание привлекли серийные издания: «Книги с автографами»; «Мировая классика», в которой особенно приятно было видеть переведенные на болгарский язык произведения Некрасова, Толстого, Гоголя; серия «Мировая классика для детей и юношества» и другие.

Искусство книги — сложное, можно сказать, синтетическое искусство. Наши болгарские друзья достигли в нем многого. Интересные работы художников, книги, запоминающиеся, выполненные с большим вкусом иллюстрации, оригинальные обложки, высокое качество полиграфии — все это свидетельствует о значительных успехах болгарского книжного дела.

Традиционна и нерушима связь болгарской и русской литератур. Многие произведения болгарских писателей переведены и любимы в СССР, а в том, как любят и ценят творчество русских советских писателей в Болгарии, мы еще раз убедились на этой выставке, перелистывая тома Герцена и Салтыкова-Щедрина, А. Белого и А. Твардовского, А. Иванова и К. Федина, изданные в стране Кирилла и Мефодия, основоположников славянской азбуки.

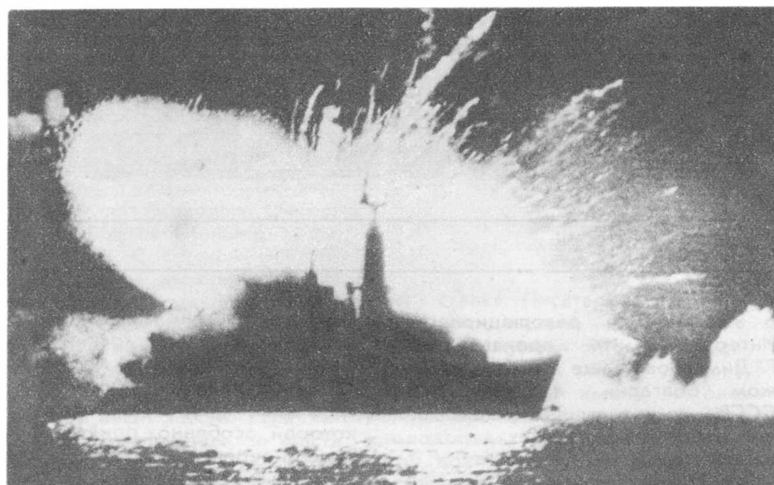
В. ЕНИШЕРЛОВ

начинает печатать приключенческую повесть
Т. ГЛАДКОВА и А. СЕРГЕЕВА
«ПОСЛЕДНЯЯ АКЦИЯ ЛОРЕНЦА»
Рисунки художника П. Пинкисевича

Отчаяние английских женщин, провожающих своих мужей на военные операции далеко от своего дома.

В результате налета аргентинской авиации потоплен английский фрегат «Антелоп». Момент взрыва бомбы на фрегате.

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Огромная армада военных кораблей, собранная Великобританией, представлялась правительству тори внушительной силой, способной раз и навсегда «проучить» Аргентину, выступившую против колониальных амбиций Лондона. Но аргентинцы сумели противостоять военной экспансии Англии, и «прогулка» британской морской армады затянулась на долгий срок.

В Южной Атлантике льется кровь, гибнут в морской пучине корабли и люди, падают в свинцовые воды сбитые самолеты. И, к явному удивлению Лондона, на дно идут не только аргентинские суда и самолеты, но и британские тоже.

Вообще-то тактика разжигания военного психоза, чтобы на его волне приобрести политические дивиденды и популярность, не нова. Однако не следует и забывать, чем кончались подобные авантюры. «Фолклендская» война уже обошлась Великобритании в миллиард фунтов стерлингов, а впереди новые и новые затраты на вооружение. И все это, конечно, за счет рядового налогоплательщика, в то время как на милитаристском огне греют руки капиталистические монополии. Так, стоимость акций электронных и машиностроительных компаний, снабжающих английский экспедиционный корпус в Южной Атлантике, после начала кризиса из-за Фолклендских (Мальвинских) островов возросла на 10 процентов. Наживаются компании, связанные с военной промышленностью. Это и фирма «Плесси», выпускающая оборудование для военной связи и другую электронную аппаратуру, и «Бритиш аэроспейс», производящая реактивные самолеты «Харриер», а также ракеты «Сифулф» и «Сидарт». Повысился курс акций «Дженерал электрик», «Ферранти» и «Рэйкел электроникс».

Военная эскалация Лондона в Южной Атлантике расширяется с каждым днем. Вводятся все новые и новые подкрепления. Англия торопится. Как сообщает «Вашингтон пост», у английских кораблей в военной зоне вокруг островов хватит припасов лишь на 90 дней. Если конфликт не будет урегулирован за это время, англичанам придется опереться на американскую помощь в большей степени, чем до сих пор. Соединенные Штаты рассчитывают получить плату за военную помощь англичанам и создать на островах свою базу.

Печать разных стран подчеркивает, что во всем мире усиливается критика колониалистских устремлений кабинета Тэтчер и политики тех государств, прежде всего США, которые поддерживают агрессивные действия Англии. «Соединенные Штаты и Великобритания находятся сейчас на скамье подсудимых»,— пишет французская газета «Юманите».

В. ДУНАЕВ

Аргентинские зенитчики готовятся к отражению воздушных атак. Телефото АП — ТАСС

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Лето 1981 года было для Ливана «горячим». Бесконечные обстрелы ливанских городов, деревень и лагерей палестинских беженцев чередовались с атаками израильской авиации на населенные пункты беззащитной страны.

Артиллерия лидера правохристианских сепаратистов израильского ставленника майора Хаддада неоднократно осыпала снарядами не только пограничные поселки, но и город Сайду. Здесь, в частности, взрывом снаряда, попавшего в переполненное людьми кафе, было убито сразу двадцать человек. В мае 1981 года Израиль подверг воздушной бомбардировке расположенный под Бейрутом городок Дамур. А в июле израильские ВВС превратили в руины бейрутский жилой район Факхани, убив и ранив при этом сотни мирных жителей, в основном детей, женщин и стариков. Тысячи ливанцев потеряли кров и имущество. Этот международный разбой вызвал взрыв возмущения во всем мире. Осужденное Организацией Объединенных Наций правительство Менахема Бегина оказалось вынужденным подписать соглашение о прекращении огня. Но, несмотря на это, боевые самолеты с шестиконечной звездой постоянно летают над Ливаном. При этом сионистская пропаганда заявляет, что обстрел израильских

бомбардировщиков силами противовоздушной обороны — не что иное, как возмутительное нарушение соглашения о прекращении огня! А самолеты летали, летают и будут летать над Ливаном, так как это, видите ли, совершенно необходимо в интересах обороны государства Израиль.

В дни, когда на оккупированных Израилем палестинских землях вспыхнули народные восстания против оккупантов, господин Бегин решил «наказать» палестинцев, а заодно с ними и ливанцев. И наказать жестоко. Сделать это было нетрудно — ведь в руках Израиля большая дубина в виде мощных военно-воздушных сил, а у ливанцев и палестинцев боевой авиации нет.

В среду, 21 апреля 1982 года, над Ливаном вновь появились израильские самолеты и была объ-

ЛИВАН: ПОВТОРЕНИЕ «ГОРЯЧЕГО» ЛЕТА?

явлена, как обычно с опозданием, воздушная тревога. В 14 часов 30 минут стекла домов в Бейруте зазвенели от тяжелых ударов. Они следовали один за другим, самолетов становилось все больше и больше, зенитная артиллерия открыла непрерывный огонь.

Население города начало быстро покидать районы, расположенные поблизости от разрушенного в прошлом году Факхани, и укрываться в бейрутских парках и на пляжах.

Когда стало ясно, что израильские бомбардировщики атакуют южные пригороды Бейрута, машина нашей съемочной группы помчалась по опустевшему южному шоссе. Изредка нам попадались несущиеся на бешеной скорости встречные автомобили — это некоторые ливанцы старались поскорее вывезти свои семьи из опасных участков побережья. У границы города начали встречаться мобильные зенитные установки, стреляющие на ходу по самолетам. Когда мы остановились на обочине шоссе в километрах в двенадцати от центра Бейрута, проезжающая машина со счетверенным пулеметом осыпала нас потоком стреляных гильз.

Самолеты заходили со стороны солнца, висевшего над морем, пикировали на прибрежные поселки и, сбросив бомбы, разворачивались и уходили над нашими головами в высокие облака... Полосы дыма пожаров протянулись вдоль шоссе. Рев авиационных турбин заглушал пушечно-пулеметную пальбу. Периодически асфальт шоссе вздрагивал у нас под ногами от взрывов. Наконец бомбардировщики ушли, и наступившую тишину прорезали сирены санитарных автомобилей.

Вскоре израильская радиостанция, работающая на Ливан, сообщила не без гордости, что в налете участвовали десятки самолетов Ф-16, Ф-15 и множество вертолетов. А господин Бегин спокойно заявил, что эта акция вовсе не является нарушением соглашения о прекращении огня, а Израиль намерен соблюдать соглашение и впредь!

На следующий день мы поехали на юг от Бейрута вдоль всего ливанского побережья. Следы недавней бомбардировки и бесчисленных предыдущих налетов и обстрелов были видны повсюду. Мы заехали в Дамур, Сайду, Тир и несколько лагерей беженцев. В лагере Бурж-Шемали на самом юге страны в результате многих бомбардировок и артиллерийско-минометных обстрелов разрушены целые кварталы. Часть жителей была вынуждена покинуть свои бедные, но обжитые дома и искать убежища в северных областях, где их не может достать артиллерия израильтян и их марионетки майора Хаддада.

Так изгнанный из Палестины народ продолжают убивать и гнать все дальше и дальше. Израильская администрация давно объявила палестинских беженцев вне закона и официально называет их не иначе, как «террористами»; всех — от грудных младенцев до глубоких стариков.

За последнее время и премьер-министр Бегин и министр обороны Израиля Шарон уже не раз угрожали провести широкомасштабную операцию с захватом юга Ливана, с высадками десантов по всему побережью. После апрельской бомбардировки сионистские лидеры прямо заявили, что если палестинцы вздумают ответить, то Организация освобождения Палестины будет полностью уничтожена всей военной мощью израильской армии. Одновременно их пропаганда ведет кампанию по обработке общественного мнения, утверждая, что юг Ливана вплоть до реки Литани — не что иное, как исконная территория так называемого Великого Израиля.

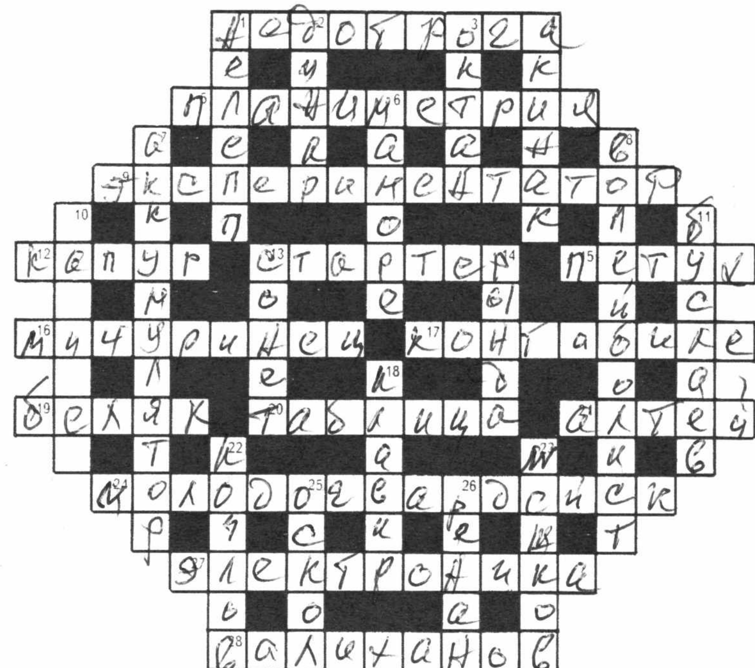
Вот что сказал нам ливанец, командир одного из объединенных отрядов Национально-патриотических сил Ливана и Палестинского движения сопротивления:

— Конечно, мы всегда имеем дело с превосходящими силами противника, ведь Ливан — мирная страна. А у военизированного Израиля — огромное количество танков, самолетов и артиллерии. Могу только сказать — если сионисты двинут свои войска на Ливан, это не будет легкой прогулкой. В Израиле заплачет немало матерей и вдов... Там, как известно, не любят нести людские потери. А вот громить дальнобойными пушками и бомбардировочной авиацией ливанские селения и палестинские лагеря — это любимое занятие израильского командования. У них на этот счет большой опыт.

В Бейруте говорят, что правительство Бегина хочет захватить Южный Ливан в виде компенсации за потерю Синая. Здесь считают, что еще никогда после 1978 года угроза оккупации Израилем южноливанских земель не была такой реальной. Наступил момент, когда постоянно расширяющаяся агрессия Израиля должна быть решительно остановлена. А пока Ливан да и весь Ближний Восток стоят на пороге нового «горячего» лета.

Бейрут — Сайда — Тир.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Декоративное растение семейства бальзаминовых. 5. Часть математики. 9. Специалист, занимающийся научными опытами. 12. Индийский киноактер и режиссер. 13. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 15. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 16. Селекционер, последователь научных методов биологии в растениеводстве. 17. Певучее исполнение музыкальной пьесы, мелодии. 19. Заяц. 20. Перечень сведений, числовых данных, расположенных по графам. 21. Лекарственное растение. 24. Шахтерский город в Ворошиловградской области. 27. Наука о методах создания приборов и устройств для передачи, обработки и хранения информации. 28. Казахский просветитель-демократ.

По вертикали: 1. Тенор, народный артист СССР. 2. Денежная единица некоторых арабских стран. 3. Бесцветная жидкость, насыщенный углеводород. 4. Короткий меч скифов. 6. Река в Боливии. 7. Устройство для накопления энергии. 8. Игрок спортивной команды. 10. Редкая, ценная вещь. 11. Герой новгородских былин. 13. Стихотворная форма. 14. Судовой колокол. 18. Переложение партитуры оперы, оратории для фортепиано. 22. Советский исследователь Центральной Азии. 23. Спортсмен-пловец, многократный чемпион СССР, рекордсмен Европы и мира. 25. Приток Северского Донца. 26. Французский писатель XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Платформа. 6. Ангар. 7. Ершов. 10. Проект. 12. «Аврора». 14. Сильвио. 16. «Игрок». 18. Панно. 19. Бранденбург. 20. Ленок. 22. Сиваш. 24. Казаков. 27. «Старик». 29. Лариса. 30. Омлет. 31. Раунд. 32. Уравнение.

По вертикали: 1. Шпинат. 2. Штурвал. 3. Поленов. 4. Патока. 8. «Лето». 9. Арча. 11. Регламент. 13. Ренессанс. 14. Саранск. 15. Обручев. 17. Кубок. 18. Пегас. 21. Охра. 23. Иори. 25. Застава. 26. Квартет. 28. Камбуз. 29. Линней.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Водный туризм — один из любимых видов отдыха студентов Алтайского края. И это понятно: ведь на горном Алтае много бурных рек, речушек с красивыми диковатыми берегами. Но прежде чем отважиться на путешествие по таким речкам, нужно научиться виртуозно управлять байдаркой.

Вот почему в начале каждого лета любители водного туризма проводят традиционные соревнования по водному слалому неподалеку от поселка Усть-Сема. Трасса здесь сложная: пороги, водовороты, острые камни, скрытые в пенистых бурунах. Не всем экипажам удается добраться до финиша: кое-кто принимает холодные ванны. Здесь сразу выявляются все пробелы в технической подготовке.

Соревнования на реке Сема собирают многочисленных болельщиков. На снимке: один из экипажей на трассе водного слалома.

Фото Г. Розова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Уже 33 года длится наше изгнание...» * «Нельзя быть беженцами вечно...» * Очередная «победа» израильских пилотов. (См. в номере материал «Ливан: повторение «горячего» лета?».)

Фото В. Ковната.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.05.82. Подписано к печати 02.06.82. А 00374. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1318. Заказ № 2415.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ГОЛУБОЙ ПАТРУЛЬ

Начальник инспекции Станислав Николаевич Ермилов с ребятами из школьного голубого патруля.

Виктор Георгиевич Мельников — один из лучших районных инспекторов. Его район — Самара, приток Днепра.

В. ПРОНИН,
фото автора

Странное дело — вряд ли найдется человек, который был бы искренним противником природы, сознательно уничтожал бы зелень, травил воду, губил живность. Нет таких. Всем нравятся свежий воздух, чистая вода, зеленые заросли. А природа гибнет. И все громче звучит голос общественности в ее защиту. Впрочем, одного только голоса уже мало, нужны сильные, влиятельные, с большими правовыми возможностями службы.

Представьте себе — потребовалась свежая рыба к праздничному столу. И нормальный вроде бы человек, любитель всего живого, становится браконьером. Директор завода, превративший всю территорию предприятия в сад, не дрогнув, дает команду слить в реку ядовитые отходы, зная заранее, что через час река будет усеяна плавающей кверху брюхом рыбой. Любители песен, гитар и ночных костров тоже не прочь поставить сеточку-экран, глядишь, и наберется на ушицу.

И получается, что любить природу просто так, в приятной беседе, любить, как говорится, в принципе очень не сложно. Даже как-то почетно, себя начинаешь уважать. Но когда дело доходит до каких-то жертв, усилий, выплывает на свет иная терминология. Целесообразность. Необходимость. Экономичность. И природа отходит на задний план.

...Госрыбинспекция. Это как раз та самая служба, которой дано право задержать браконьера, привлечь к ответственности директора, возбудить уголовное дело против любителей романтической ушицы.

Все эти снимки сделаны в центральной части Днепра, в районе, насыщенном мощными металлургическими, машиностроительными, химическими предприятиями, районе, густо населенном людьми, издавна привыкшими проводить свободное время на реке. Да, в районе деятельности Днепропетровской рыбинспекции находится около шестисот различных предприятий, которые сбрасывают сточные воды в рыбохозяйственные водоемы, как называют в отчетах реки и речушки. При этом пока лишь четвертая часть предприятий имеет очистные сооружения, и только половина этих сооружений действительно обеспечивает очистку. Правда, за годы десятой пятилетки в области израсходовано около трехсот миллионов рублей на водоохранные объекты, однако проблема до сих пор не решена.

Вот уже много лет руководит инспекцией Станислав Николаевич Ермилов. За это время инспекция уверенно вышла в число лучших по стране. У нее репутация боевитой, наступательной. Она бесстрашно вступает в конфликты с могущественными заводами, затягивающими строительство очистных сооружений, с именитыми колхозами, оставляющими на полях горы удобрений, которые потом вместе с дождевой водой оказываются в реках, отравляя все живое. Известен случай, когда в притоке Днепра на протяжении нескольких километров зоны отдыха на берег вылезали, выпучив глаза, раки — родная стихия стала для них невыносимой. Рыбинспекторам пришлось несколько часов разъезжать по этому участку, чтобы предупредить отдыхающих от соблазна полакомиться раковыми шейками.

А ночные рейды во время нереста! В среднем за год инспекция вскрывает более трех тысяч нарушений, задерживает до четырех тысяч всевозможных нарушителей рыболовства, сумма штрафов составляет десятки тысяч рублей. Среди оштрафованных — директора предприятий, главные инженеры, уличенные в преступно пренебрежительном отношении к природе.

Но в обязанности инспекции входит и восстановление рыбных богатств, совместная научная деятельность с местным университетом, организация школьных кружков, которые участвуют и в спасении мальков, и в создании искусственных нерестилищ, и в охране заказников. За эту работу некоторые ребята награждены грамотами ВДНХ, золотыми медалями, подарками.

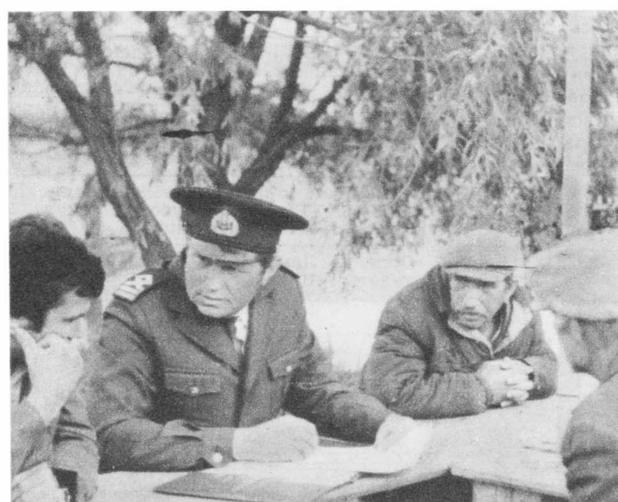
Одна из самых результативных сфер деятельности инспекции — создание заказников, заповедных мест на малых реках бассейна, в излучинах Днепра, там, где уже много веков происходит нерест рыбы. Недавно по настоятельному требованию инспекции областной Совет народных депутатов принял решение о резком ограничении движения мощных моторных лодок, катеров, пассажирских судов с водометными двигателями по Самаре, Суре, Орели. Этой мерой удалось остановить загрязнение рек, разрушение береговой линии, уничтожение рыбы на мелководье.

Об объеме забот инспекции можно судить по такой цифре: общая береговая линия бассейна на территории Запорожской и Днепропетровской областей составляет около полутора тысяч километров. А один из побочных результатов деятельности инспекции — почти двойное увеличение добычи рыбы.

Попался автомотобраконьер.

Протокол задержания составляет районный инспектор Владимир Васильевич Кастилов, возглавляющий оперативную группу инспекции.

С поличным...

В дозоре.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663